

КРАСИВЫЕ, ДЕРЗКИЕ, ЗЛЫЕ

р о м а н

**Он готов на все,
чтобы спасти
любимую – и
разбогатеть**

**АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ**

Анна и Сергей Литвиновы

Красивые, дерзкие, злые

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158978

А. и С. Литвиновы Красивые, дерзкие, злые: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-15667-4

Аннотация

Алиса богата, но несчастлива. У нее нет ни отца, ни матери. Кто-то погубил их, когда девочке было четырнадцать. Алисе пришлось через многое пройти, чтобы пробиться в жизни. И вот пришло время найти и покарать убийц... На Валентине висел крупный долг. Кредитор заставлял ее заем «отработать»: отправиться на панель. Однако девушка с друзьями детства Петром и Степаном придумала план быстрого обогащения. Троица решила ограбить бандитских «инкассаторов», везущих почти два миллиона долларов... Валентина не знакома с Алисой. Алиса ничего не знает о Валентине. Но с каждым днем они все ближе друг к другу, потому что прошлое не отпускает...

Содержание

Часть первая. Без семьи	4
Алиса. Наши дни	4
Часть вторая Три товарища	111
Одиннадцатью годами ранее	111
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Анна и Сергей Литвиновы Красивые, дерзкие, злые

Часть первая. Без семьи

Алиса. Наши дни

У Алисы было все, кроме счастья.

Впрочем, если разобраться, счастье у нее теперь тоже было.

Во всяком случае, очень многие жители Москвы могли бы ей позавидовать.

Например, тому, что первую утреннюю чашку кофе она выпивает на собственном балконе с видом на водохранилище.

Солнце светит ярко, но еще не обжигает. Искристые дорожки пролегают по воде. Ранняя яхта задумчиво бороздит водный простор. Из сада доносится упоительный аромат утренних цветов. Роса бриллиантами сверкает на свежескошенном газоне. Телу покойно в шезлонге. Чуткое солнце ласкает кожу. Кофе – лучший из тех, что можно купить в Москве. Алиса его только что собственноручно сварила. Неохота поутру раздавать указания Варьке. Да и потом, дом-

работница все равно, сколько ни учи, не сделает напиток столь вкусным, как получится у самой Алисы.

Из домика для прислуги выходит Варька. Замечает хозяйку на балконе, подобострастно здоровается, но глядит исподлобья. Не иначе будет опять сечь: станет ли Алиса после кофе курить. И что теперь прикажете делать? Прятаться? Или все-таки внаглую задымить – рискуя, что шпионка заложит ее Вадиму?

Да пошла она, решает Алиса. Буду я бояться какой-то домработницы! Заложит – и бог с ней. Отбоярюсь, не впервой.

Алиса достает из тайничка пачку сигарет и зажигалку. Варька задерживается рядом с домиком для прислуги. Делает вид, что осматривает петунии: не пожрала ли их гусеница – а на самом деле вся ушки на макушке: не донесется ли с хозяйского балкона табачный аромат.

Алиса назло ей со вкусом раскуривает сигарету. Делает глубокую, первую, самую вкусную за день затяжку...

«Че ты во рту-то дым держишь? Ты внутрь его вдыхай, в легкие!»

Чердак. Стены в граффити. Запах кошачьей мочи. Измятая пачка «Бонд-стрит». Дым попадает в легкие, Алиса начинает безудержно кашлять. «Ниче, москвичка, второй раз легче пойдет...»

Настроение стремительно портится. То ли от нахлынувшей картинке-воспоминания, то ли из-за шпионки Варьки –

фрекен Бок, то ли от того, что она, Алиса, опять пошла, как говорит муж, «на поводу пагубного пристрастия». Утренняя сигарета, считай, испорчена. Алиса досадливо гасит ее в пепельнице и резко встает.

Солнце по-прежнему светит ласково, и яхта бороздит водохранилище, и из сада доносится аромат цветов – но приметы чудесного утра перестают радовать, теряют эффект приятной новизны.

* * *

Когда у тебя много денег – по-настоящему много – становится совершенно непонятно, куда девать время. Чем его заполнить. Не нужно тратить дни на зарабатывание средств к существованию и торчать с утра до вечера в офисе. Тебе не нужно готовить, убирать, стирать, гладить, ковыряться в саду – для дел по дому имеется прислуга. И даже если появятся дети – ими все равно займутся няньки. Вот и получается пятнадцать часов в сутки, которые надо убить.

С утра время еще заполнено: одно за другим идут разные дела. *Ритуалы*, как называет их Алиса. Сперва – беговая дорожка в тренажерном зале (Вадим был категорически против, чтобы она бегала «в реале»: в поселке, по берегу водохранилища или в лесу). Затем – силовые тренажеры. И, наконец, аэробные упражнения. Наклоны и растяжки она делает в саду, на полянке. Раз – два – три – четыре, наклон к

одной ногое, к другой, вдох, выдох, выпрямиться, вдох...

«Алиска, мля, хрен ли ты тут ручками своими машешь?! Пошла б лучше огурцы полила!..» Дядя Коля орет с крыльца, с утра он уже принял свой стакан, облачен в семейные трусы с майкой и вопит, слава богу, добродушно – совсем не так, как когда его мучает похмелье или он пьян в зюзю...

...Потом – в душ. Какое счастье, что завтра предстоит поездка в город: массажист, маникюрша, косметолог. После салона красоты можно прошвырнуться по магазинам и выпить кофе в Пассаже. День, считай, забит. А послезавтра – прием в московской мэрии, но это только вечером. А чем занять целый послезавтрашний день – решительно непонятно. Как непонятно, что делать сегодня. Может, все-таки махнуть в город? Но там – жарища, пробки, нервные люди. Нет, уж лучше скучать здесь, рядом с цветочками, в прохладе, у воды...

Алиса приказала сервировать завтрак на балконе. Завтрак – единственный прием пищи, когда она ест от души, досыта, позволяет себе отрываться. С ее природной склонностью к полноте надо постоянно стеречь себя. Семь кусочков колбаски на завтрак – единственное баловство за весь день. Ударную дозу белка придется компенсировать «геркулесом» на воде, обезжиренным йогуртом и безуглеводными хлебцами. На обед будет свекольник, на ужин – овощной салат и вареная рыба. Зато весы сегодня беспристрастно показали – весит Алиса пятьдесят три (при росте сто семьдесят пять). И (свидетельствовало зеркало) – ни грана дряблости или цел-

люлита.

После того, как Варька расставила приборы, Алиса ее отослала. Она ни с кем не любила говорить по утрам.

Вот с мамой – да. С ней она любила разговаривать. Но мамы уже нет. Давно нет. Ох, как давно!..

– Лисонька-Алисонька, ты на завтрак блинчики будешь?

– М-мур!

– Что такое «м-мур»?

– «М-мур» – это значит: «Йес, офф косс!»

– Американцы обычно говорят не «йес», а «шур!».

– Тогда: «Шур!»

– А с икоркой будешь?

Алиса в одной ночнушке скачет козой по комнате: «Шур! Мур! Икорка! Йес, офф косс!»

А потом восхитительный запах блинчиков растекается по квартире...

Ах, мама, мама, зачем же ты меня оставила так рано!..

* * *

После завтрака является соседка Вероника. Между их участками есть тайная тропа: калитка, ключи от которой имеются только у нее и у Алисы. От Вероники пахнет спиртным. Похоже, с утра она уже успела смешать себе пару коктейльчиков. Вероника обычно пьет до обеда, потом ест, спит, приводит себя в порядок – чтобы встретить своего му-

жа Ричарда, как она говорит, «во всеоружии красоты». Впрочем, Ричарду (как успела заметить Алиса) глубоко безразлично Вероникино «всеоружие». Он возвращается из офиса не раньше десяти, стремительно ест, а потом рассеянно целует жену, поднимается в кабинет и работает с документами. Ричард трудоголик, поэтому он хоть и не хозяин компании (как Вадим), но получает ежемесячно двадцать тысяч «уе», плюс бонусы, долю в прибыли и тринадцатую зарплату. А самой Веронике тридцать семь, и она недавно жаловалась, что у нее три недели не было секса.

– Пойдем ко мне, в бассейне поплаваем, – предлагает соседка.

– Не хочу, – отнекивается Алиса.

Дома у Алисы нет бассейна (Вадим почему-то не хочет), только послесаунная купель, и сей недостаток дает Вероникиному особняку неоспоримое (в ее глазах) превосходство перед участком Алисы. Бассейн, кто спорит, штука хорошая – особенно в такую жару, как сегодня, – но пойти к соседке означает: отбиваться от ее предложений выпить, смотреть, как напивается она сама, и слушать ее бесконечные излияния. Вероника баба хорошая, и с ней весело, но сейчас у нее пошла «шиза» на тему: а вдруг Ричард ее бросит? Он красавец, и вокруг него беспрестанно вертятся на работе (и вне ее) молодые шлюшки. Саму Алису, невзирая на ее двадцать шесть и эффектную внешность, Вероника в категорию молодых шлюшек не записывает и соперницей себе ее не счита-

ет. Это до поры до времени, полагает Алиса. Достаточно одного неосторожного взгляда в сторону Ричарда на совместном барбекю – и безадресная ревность Вероники направится на нее. Поэтому Алиса давно решила: с Ричардом надо быть особенно осторожной. Не хватает еще вместо доброжелательной соседки получить мстительную, измученную ревностью мегеру.

Когда Алиса решительно от бассейна отказалась, Вероника грустно спросила:

– А может, мне работать пойти?

– И пойди, – пожала плечами Алиса.

– Я ведь МИСИ закончила. Специальность: «водопровод и канализация». Знаешь, как это сейчас на рынке востребовано? У тебя, кстати, в гостевом туалете бачок подтекает.

– Скажу Василию. – Василием зовется приходящий помощник по хозяйству, он не пьет, аккуратно является дважды в неделю и выполняет всю мужскую работу по дому.

– Да ведь я все забыла, что в институте учила... – вздыхает Вероника. – И канализацию, и водопровод... Тринадцать лет без работы... Давай, что ли, выпьем? У тебя джин есть?

– Не пью я в такую рань.

– Ну и не пей. А мне налей.

– Может, не надо с самого утра-то? – слабо отнекивается Алиса.

– Тебе что, подруга, джина для меня жалко?

Делать нечего, и Алиса плетется к бару.

– Мне два к одному смешай, – кричит ей вслед Вероника, – и лимончик порежь, если есть!

«Ты сама хотела такой жизни, – говорит себе по дороге на кухню Алиса. – Ты к этому стремилась. Получай: теперь ты богата. И все еще молода. И никакие, как у соседки, страдания, типа «он меня бросит», тебя не трогают. Ну, может, пока не трогают? И они появятся – когда тебе стукнет, как Веронике, тридцать семь».

Чтобы не сидеть рядом с пьющей соседкой с пустыми руками, Алиса наливает себе в высокий стакан яблочного сока. Сыплет туда пригоршню льда. Сует соломинку.

«Аккуратность – это красота. А красота – это аккуратность».

Так говаривал папа. Алиса была маленькая и не очень понимала, что он имеет в виду. Думала: вырасту и спрошу. Теперь она выросла, а вот спросить-то и не у кого.

Но слова отца накрепко запали в душу. И теперь все, что бы Алиса ни делала, она старается делать аккуратно. И в итоге получается красиво.

Вот и сейчас: в высоком, идеально чистом стакане бультыхаются, словно космонавты в невесомости, кусочки льда. Чуть позвякивают. Стакан запотел и смотрится так, что хоть сейчас помещай его на рекламный плакат.

Теперь коктейль для назойливой гостьи. Одна часть джина. Две части тоника.

К несчастью, к бару является Вероничка. Не утерпела вы-

сидеть в одиночестве даже пяти минут. Когда она выпьет, ее немедленно тянет общаться.

– У тебя маслиночки есть? Или оливки? – тут же спрашивает она. – И вообще: сваргань, Алиска, чего-нибудь закусить. Мы ж не алкаши – голый джин хлестать.

Не успевает Алиса усмехнуться и с сарказмом возразить: мол, джин-то хлестать будет одна Вероника, как в дверях нарисовалась прислуга Варька.

Вид у нее взбудораженный. Лицо красное, глаза выпучены. В руке дрожит листок бумаги.

– Что случилось, Варвара? – холодно поворачивается к ней Алиса. Она терпеть не может подобных драматических явлений прислуги. «Сейчас выяснится, что медведка пожрала все петунии», – с неудовольствием подумала она. Однако Варька бормочет совсем иное:

– Вам телеграмма!..

Телеграмма?! В мире Алисы нет места для телеграмм. В ее мире связь осуществляется с помощью мобильного телефона, эсэмэсок и электронных писем. Телеграмма – понятие из другого мира, из прошлой жизни, с которой покончено навсегда... Телеграмма означает нечто чрезвычайно странное и экстраординарное.

Ледяной стакан выскользывает из рук Алисы. Падает на стол. Джин разливается по столешнице. стакан грохается на пол и разлетается на мельчайшие осколки. Вероника, застывшая у бара, жадно следит за тем, как меняется в лице

Алиса.

Та подскакивает, выхватывает из рук домработницы листок.

Депеша и вправду послана из прошлой жизни. Из Бараблина. Отправлена вчера в десять вечера. В телеграмме – ровно отпечатанные на компьютере строки:

Тетя Вера очень плоха. Приезжай проститься. Клава.

* * *

И двух часов не проходит, как Алиса оказывается в аэропорту Шереметьево-1.

Эти два часа успевают вместить в себя, для начала, телефонный разговор с Вадимом. Муж озабоченно-благодушен:

– Ну, конечно, поезжай... Это все ж таки твоя тетя...

– Двоюродная тетя, – поправляет любящая точность во всем Алиса.

– Все равно – она ведь тебе не чужая... Растила, можно сказать... Вызови Василия, попроси, чтоб он отвез тебя в аэропорт и потом отогнал домой машину. Деньги не забудь снять с карточки еще в Москве. Думаю, в этом твоём Бараблине с банкоматами плохо.

– Уж как-нибудь разберусь, – холодно бросает Алиса.

Муж ее любит контролировать все и вся. Он из тех мужиков, кто искренне считает: без его ежеминутного вмешательства и умелого руководства рухнет все: и его фирма, и

семья, и дом. Удивительно, как еще insult или язву не заработал при таком крохоборском контроле. Впрочем, какие его годы! Ему тридцать пять – значит, все еще впереди.

– Да-да, знаю: ты большая девочка, – фыркает Вадим. – Тогда – счастливого пути. Уж пару дней без тебя как-нибудь обойдусь.

Алисе хочется сказать в ответ что-нибудь язвительное, но Вадим не дает ей такой возможности, кладет трубку.

Самое противное, что Алиса в точности выполнила все его указания. Позвонила в справочную, узнала, когда ближайший рейс до областного центра.

Вызвала Василия. Тот домчал ее на «Лексусе» до Шереметьева-один. Помог выгрузить скромную дорожную сумку – старую, ни в коем случае не от «Луи Вьюитона». Та годится для Парижа и Рима, но никак не для Бараблина.

В аэропорту Алиса сняла в банкомате полтыщи долларов с валютной кредитки и еще десять тысяч – с рублевой.

Совсем не похоже на то, как девять лет назад Алиса отправлялась из Бараблина в Москву.

Деньги зашиты по настоянию тети Веры в трусы.

Плацкартный вагон. Боковая полка. Двое суток пути.

А как она самый первый раз приехала из Москвы в Бараблино?

Пока Алиса проходила контроль безопасности, регистрацию, пока пила кофе в буфете в зале ожидания, все пыталась вспомнить свой самый первый приезд из Москвы в Барабли-

но. И ничего у нее не получалось.

Похороны мамы она смутно, но помнила.

Отпевание проходило в маленькой кладбищенской церкви.

Алиса помнила, как длинный луч солнца упал на восковое недвижимое мамино лицо – показалось, будто его коснулся своим перстом ангел. Отпевал маму молодой дьяк со стильной бородкой. Он был удивительно похож на мушкетера – скажем, на принявшего сан Арамиса. В небольшой толпе дальних родственников у гроба распоряжалась неизвестно откуда вынырнувшая бараблинская тетя Вера. Смутно помнились и поминки – но уже совсем нечетко.

А потом – бах! – и Алиса уже в Бараблине. В избе, на железной кровати, и тетя Вера будит ее:

– Вставай, Алисонька, а то в школу опоздаешь...

А между этими двумя картинками – московскими похоронами и пробуждением в Бараблине – пустота, чернота, зияющий провал. Провал, как потом сумела восстановить Алиса, длиною в недели... И сейчас самое время заполнить ту лауну, то выпадение памяти, что случилось, когда ей минуло пятнадцать лет.

Почему умерла ее мама? Как погиб ее отец?

* * *

Аэродрома в Бараблине, естественно, нет. Как и железно-

дорожной станции. Один автовокзал. Поэтому Алиса взяла билет до областного центра. В аэропорту она переседет на такси.

Если разобраться, она возвращается в Бараблино триумфаторшей. Женой столичного миллионера, в шмотках от «Гуччи» и «Фенди», богатая, счастливая, одним словом – победительница. Только ощущения от *победы* какие-то странные. По крайней мере, ликовать ей совсем не хочется. Наверно, потому, что только она, Алиса, знает, через какие тернии ей пришлось пройти.

Будь у нее выбор, она предпочла бы стать простой небогатой женщиной. Кем, например? Ну, допустим, инженершей, или бухгалтершей, или филологом. Лишь бы только мама осталась с ней. И был бы рядом отец.

Алису приглашают на посадку. Ее одну, лично. Она – единственный пассажир, летящий бизнес-классом.

После того как пару раз слетаешь «не как все», уже очень трудно возвратиться в экономический салон. К хорошему быстро привыкаешь. Если у тебя, конечно, есть деньги.

Алиса вспоминает, как первый раз летела самолетом. Когда поднимались по трапу, она сидела на закорках у отца. И сияющая мама шла рядом. Они летели в отпуск. В дом отдыха, в Гагры.

Ей было лет пять, и самолет казался огромным, и родители посадили ее у окошка – то есть у иллюминатора, – и было очень весело и страшно смотреть вниз, на кукольные

домики и игрушечные машинки, и, когда самолет закладывает вираж, она вцеплялась в руку сидящего рядом отца...

– Командир корабля и экипаж приветствуют вас на борту самолета «Ту-154», выполняющего рейс по маршруту... Прислушайте, пожалуйста, правила безопасности...

Прикольно, конечно, когда стюардесса демонстрирует, как пользоваться кислородной маской, для одной только Алисы. Больше никого нет в салоне бизнес-класса. Прикольно – но и немного неловко.

В России стыдно быть богатым. Зато острее чувствуешь свою избранность. И одиночество – тоже.

Самолет – ревя, трясясь всеми своими старыми сочленениями, – взлетает. Каждую секунду кажется, что нагрузка ему не под силу, он не выдержит и рухнет вниз. Старичок «Ту-154» – это вам не аэробус и не «Боинг». Его колотит, как старый автобус. Стоило ли становиться женой миллионера, чтобы полететь в бизнес-классе назад в Бараблино и разбиться?

Чтобы отогнать противный страх, Алиса стала смотреть в иллюминатор. Вадим говорил, что, когда взлетаешь из Шереметьева, можно сверху разглядеть их поселок и даже их дом. Алиса никогда раньше с птичьего полета свое жилище не видела.

Под крылом – дома, дома и дома... Каждый особняк, прикидывает Алиса, – стоимостью не меньше пятисот тысяч «зеленых». Три-четыре этажа. Крыши из металлочерепицы.

Кое-где сверкнет голубизной лужа бассейна.

Кто говорит, что Россия плохо живет? Посмотрите на ближнее Подмосковье с борта самолета. Сплошные коттеджи, виллы, замки.

И за каждым хозяином можно присылать налоговую полицию, или уголовный розыск, или службу безопасности.

А вот – знакомый рельеф водохранилища. И на первой линии от воды Алиса различает свой особняк. Ей видно все до мельчайших деталей: и домик прислуги, и аккуратно выкошенный газон, и цветочки. И балкон, на котором она сегодня пила свой утренний кофе. А вот и соседкин участок – даже, кажется, видно, как плещется в своем бассейне Вероничка.

Нет, поправила себя Алиса, не все хозяева особняков – воры. Ричард, к примеру, Вероникин муж, – кристально честный человек. А каким еще быть англичанину!

И ее Вадим – тоже честный. Ведет открытый прозрачный бизнес. Никаких откатов. Раньше, давным-давно, импорт у него был «черный», потом – «серый», а теперь – самый настоящий «белый». И налоги Вадим платит, и счетов в офшорах не имеет, и даже на благотворительность жертвует...

Самолет заложил вираж. В иллюминаторе стало видно синее небо, белые облака. Алиса отвернулась от окна. Жестом отказалась от бокала шампанского. Из предложенных газет выбрала те, что поинтереснее, – «Комсомолку» и «Вечерку». Можно разгадать кроссворд, можно прочитать послед-

ние сплетни.

И сразу вдруг вспомнился отец и как он называл «Вечерку» «мелкобуржуазной сплетницей». Ах, папа, папа! Почему ты нас покинул?! Ведь с твоей гибели все и началось. И смерть мамы. И Алисино одиночество. И ее мытарства...

– Я тебя очень прошу, Алисонька, дочка, не дергай папу.

– А что такое?

– Он потерял работу.

– Ну и что?

– Он очень переживает.

– А что, он не может найти новую?

– Он ищет. Но это не так просто. Ты же сама знаешь, что за времена теперь настали.

Это Алисе лет двенадцать. Значит, год на дворе – девяносто второй.

– Тише, дочка, тише!

– Почему?

– Папа спит.

– Чего это он улегся? День на дворе!

– Папа всю ночь работал.

– Ты же говорила, что он потерял работу. Новую нашел?

– Не совсем.

– Как это: «не совсем»?

– Папа работал на себя.

– Как это: «на себя»?

– О, сколько вопросов! Любопытной Варваре, знаешь ли,

нос оторвали.

– А все-таки?

– Папа всю ночь возил людей. За деньги. На нашей машине.

– Он стал таксистом? Фи!

– «Фи»?! Алиса, запомни: папа делает все, что может, чтобы обеспечивать свою семью. И меня, и тебя.

– Лучшие бы он нашел себе нормальную работу.

А потом... Потом отец нашел «нормальную» работу.

Он уезжал из дому – на два дня, на три, на неделю. Возвращался с деньгами. Платили ему в долларах. Их было не так много, как у «новых русских», которые тогда только появились, ходили в малиновых пиджаках и ездили на «Мерседесах», но Алисе стало хватать на обновки, «сникерсы» и на репетиторшу по английскому языку. Мама начала поговаривать о новой шубе. Отец повеселел и вслух мечтал, что скоро они, все трое, поедут в Париж.

А потом однажды он не вернулся.

И вот как раз в этом месте память Алисы давала первый сбой.

Откуда не вернулся отец?

Что с ним случилось?

И вообще – в чем заключалась его работа?

* * *

В самолете почему-то всегда удивительно хорошо вспо-

минается.

Может, потому, что тело, оторвавшись от земли, репетирует будущий полет души к богу? Наверно, правду говорят: в последний миг перед внутренним взором проносится вся жизнь. Значит, любой полет – вроде репетиции того самого, последнего полета?

Алиса отказалась от самолетного ленча. Наверно, это было неразумно: когда еще она попадет в Бараблино? Кто ее там теперь покормит? Но Алиса завернулась в плед и снова прикрыла глаза.

Руки. Жесткие мужские руки ерзают по ее животу. Задирают пижамную курточку. Чужое твердое тело наваливается. Слышен смрадный запах алкоголя. Как наждак, скребется о щеку щетина.

Алиса в ужасе просыпается. Нет, нет, это не сон. Он – рядом. В ее постели. Смердит. Хватает. Лопочет: «Девочка моя, ну подожди. Ну, раздвинь ножки».

Он. Дядя Коля. Пьянь. Сволочь. Насильник.

От ужаса и отвращения Алиса цепенеет. Несколько секунд она не может даже пошевелиться – не то что оказать сопротивление. И сладострастный пьяница пользуется моментом. Нащупывает ее грудь и впивается ртом в сосок.

Но оцепенение длится недолго. Она не зря тренируется каждый день. Не зря ходит в Бараблинский дом культуры в секцию ушу.

Алиса бьет коленкой – туда, где, по ее представлению,

находится дяди-Колин пах. Тот стонет – словно всхлипывает. Следующий удар она наносит ему рукой по печени. А потом – еще один по горлу.

Дядя Коля хрипит. Она сбрасывает его тушу с постели. Сама вскакивает на ноги.

Дядя Коля сидит на полу, в своих семейных трусах, в майке, и щерится. Тяжело дышит.

– Если ты еще раз, сволочь, – звенящим шепотом говорит Алиса, – полезешь ко мне...

– То что? – скалится пьяница. – Верке скажешь?

– Яйца тебе отрежу. Понял, свинья?

Голос ее звучит очень жестко – и, кажется, заставляет дядю Колю поверить в серьезность угрозы.

Во всяком случае, весь следующий день он даже не смотрит в Алисину сторону. Да что там день! Целый месяц отводит глаза.

И больше никогда не повторяет своих попыток.

Телеграмма о смерти дяди Коли (инсульт в возрасте пятидесяти семи лет) пришла пять лет назад, как раз когда у Алисы начинался роман с актером Десницким.

Но тогда она не только не полетела в Бараблино на похороны, но даже не послала тете Вере телеграмму с соболезнованиями.

Самолет по спирали пошел на снижение. Стюардесса просит застегнуть привязные ремни. Сообщает, что через двадцать минут самолет совершит посадку в областном центре. «Температура в районе аэропорта – плюс восемнадцать градусов».

Всегда в здешних краях было холоднее, чем в Москве. Урал. Вечно Алиса тут мерзла.

Как и в тот день. Весна еще только начиналась, едва зазвела капель, а в бараблинской школе уже отключили отопление. Они сидели на уроках в пальто.

А с биологии Алису вдруг вызвали к директорисе.

Той в кабинете не оказалось. Вместо нее за столом сидел дядька – огромный, старый, краснорожий. Представительный, в костюме и галстукe. Настоящее начальство – не здешнее, бараблинское, а из области. А может, даже из Москвы.

На столе перед дядькой лежала газета «Урал молодой». Этот номер Алиса хорошо знала – потому что прямо на первой странице там была напечатана ее собственная фотография. Снятая крупным планом, она задорно улыбалась в объектив. Подпись под снимком гласила (Алиса запомнила ее наизусть): *«Большим успехом у горожан пользуются спектакли народного театра Бараблинского дворца культуры. НА СНИМКЕ: десятиклассница Алиса Меклешова репети-*

рует роль Валентины в пьесе „Прошлым летом в Чулимске“. Корреспондент сфотографировал Алису еще в феврале. Две недели назад газета наконец вышла и обеспечила девушке бешеную ненависть со стороны одноклассниц, прочих актрис народного театра, да и всего женского населения Бараблина.

Дядька, сидевший за директорским столом, при виде Алисы довольно ощерился. Разгладил руками газету с фото и отложил ее в сторону.

– Значит, вот ты какая, Алиса Меклешова. Хороша, хороша. Живую еще лучше будешь, чем на фото. Высокая, грудастая, глаз горит. Молодец.

Алиса ничем не ответила на своеобразный комплимент мужика, только плечиком дернула. А его глаза загорелись сальненьким блеском. Он подался через стол вперед.

– Хочешь поехать в область? И заработать много денег?

– Ну, положим, хочу.

– Тогда...

Краснорожий сделал внушительную паузу, а потом выдвинулся на своем стуле из-за директорского стола, и Алиса увидела неожиданное. Брюки начальственного мужика были расстегнуты, и из них вздымался огромный красный член.

Алиса в негодовании вскочила. Завалился ее стул.

И тут в директорский кабинет вошли трое. Впереди – молодой красавец с длинными волосами. От него пахло столицей и большими деньгами – Алиса непонятно как, но сразу

это определила. Чуть сзади шествовал мужчина самого раздолбайского вида в мятой водолазке. Он тоже был явно сделан из московского теста. Следом семенила их директриса, которая раболепствовала и перед первым, и перед вторым, и даже перед тем извращенцем, что сидел в ее кресле. Всем своим видом она демонстрировала, что для нее эти гости – круче, чем самое крутое начальство.

Извращенец поспешно укатился на стуле за стол и судорожно попытался привести в порядок свое хозяйство.

Первый из вошедших, явно богатый красавчик, внимательно осмотрел Алису – с головы до ног, как цыган осматривает лошадь. И, кажется, его даже не смутили ее старые туфли и аккуратно заштопанные на щиколотке колготки.

Потом он тихо скомандовал толстяку в директорском кресле:

– А ну, брысь отсюда!

И того как ветром сдуло: поспешно вскочил и бочком-бочком протиснулся в дверь кабинета, только его и видели.

– Я этого гада сегодня вечером расстреляю, – негромко сказал красавчик, и такая сила прозвучала в его словах, что Алисе показалось: а может, и вправду расстреляет?

Она неуверенно улыбнулась.

– Хорошая улыбка, – заметил длинноволосый, адресуясь к своему спутнику, раздолбаю в водолазке.

– Настоящая русская красота, – вполголоса заметил тот.

Директриса гордо выпятила грудь, будто это она самолично вырастила в подведомственном коллективе и эту красоту, и эту улыбку.

– Что вы от меня хотите?! – наконец возмутилась Алиса. – Анна Иванна, – обратилась она за подмогой к директрисе, – что происходит?!

– Ничего, Алисонька, ничего, – по-матерински прощепетала та (даже когда комиссия из роно приезжала, сроду она не была с учениками столь ласковой), – эти господа не сделают тебе ничего дурного. У них самые добрые намерения.

– Завтра поедешь с нами, – озабоченно сказал красавец. – В областной центр. Вот тебе тысяча баксов. – Он вытащил из кармана перевязанную резинкой пачку долларов (у директрисы аж глаза расширились, чуть в обморок не упала), небрежно отсчитал тысячу, протянул Алисе: – Приоденешься там. Лучше скромненько, как сейчас – белый верх, черный низ. Но не в дешевку, надо, чтобы вещи смотрелись. А потом тебе скажут, что делать.

– Никуда я с вами не поеду! – возмущенно выкрикнула Алиса.

Еще чего! Извращенцы какие-то! И директриса с ними заодно!

– Ты поедешь не одна, а с мамой, – устало проговорил москвич. – Твоя мама все время будет с тобой. А этот жирный пидарас, – он кивнул на дверь, – к тебе и пальцем не притронется. Я это обещаю.

– У меня мамы нет, – сказала Алиса.

– Тогда ты поедешь с теткой, Верой Евграфовной! – вклинилась директриса. В ее голосе зазвучали привычные истерические нотки. – Как ты не понимаешь, Меклешова! Эти люди – из Москвы! Ты срываешь важное правительственное задание!

– Не поеду, – тихо, но упрямо проговорила Алиса.

– Я тебе обещаю, – сказал длинноволосый, и ей почему-то захотелось верить ему: – Никаких сексуальных домогательств не будет. Ничего стыдного или противного тебе делать не придется. Простая, интересная и ответственная работа. Все будет мило, красиво, весело и денежно. И тетка твоя не отойдет от тебя ни на шаг. Ты ей доверяешь?

– Да.

– Вот и договорились, – сказал он и сунул в ее руку тысячу обещанных «зеленых».

...Под крылом Алисиного «Ту-154» показались окраинные многоэтажки областного центра – скучнейшего, как считала она, города в мире. Ей вспомнилось, как на следующий день после знакомства с красавчиком она увидела его второй раз. А вот самого первого раза, когда тетка везла ее – силком? против ее воли? – из Москвы в Бараблино, Алиса так и не могла припомнить...

...На следующее утро на микроавтобусе «Форд» они при-

были в областной центр. Путешествовали впятером – помимо длинноволосого москвича-красавчика и его адъютанта в мятой водолазке, имелся также молчаливый шофер. Краснорожий извращенец куда-то подевался – может, его и вправду расстреляли? В качестве дуэньи с Алисой путешествовала тетка Вера – и в самом деле не отходила от нее ни на шаг, сидела рядом, преисполненная гордости и значимости своей миссии. Красавец немедленно уснул и проспал всю дорогу. Во сне стало заметно, какой у него усталый вид. Его примеру последовал раздолбай в водолазке. Так что завести светский дорожный разговор о столичной жизни (как рассчитывала Алиса) ей не удалось.

Микроавтобус-иномарка домчал их до областного центра с дивной скоростью. Алису с тетей Верой поселили в гостинице у железнодорожного вокзала. А затем в их номер явился красавчик и по-московски быстро, но толково объяснил девушке, что ей предстоит делать.

Итак, вечером в самом крупном областном ледовом дворце «Метеор» состоится большой концерт. Прибудут звезды столичной эстрады. Представление – бесплатное, поэтому публики ожидается немерено, чуть ли не весь город.

Алиса (вместе с тетей Верой) будут сидеть в первом ряду. Ее задача – в нужный момент подняться на сцену и поднести певице букет цветов. Букетом Алису снабдят. Когда и какой исполнительнице дарить, скажут непосредственно на самом концерте. На этом ее ответственная миссия будет выполнена.

– И все?! – подивилась девушка.

– Абсолютно все, – кивнул москвич. – Потом с тобой считаются и отвезут в Бараблино. А теперь – бегом марш одеваться. И не вздумайте экономить, барахло китайское на рынке покупать. Идите в бутики в местном пассаже, но ничего вычурного не хапать! Никаких рюшей, воланов, вечерних платьев! Чтоб была строгая простота, как в школе! Перед концертом лично проверю. Зайду за вами в номер в семнадцать ноль-ноль, чтобы обе были готовы. Минута опоздания – расстрел на месте.

До самого вечера Алисе чудился в истории с букетом подвох. Зачем для того, чтобы вручить цветы какой-то певичке, отыскивать ее, Алису, и привозить аж из самого Бараблина? Зачем селить в гостинице, давать талоны на питание в ресторане, вручать немалые деньги на одежду?

Ощущение подвоха усилилось, когда их с теткой привезли к ледовому дворцу. Уже часа за полтора до представления туда начал стекаться народ, в намерении занять на халяву места получше. Шли целыми семьями, компаниями, рабочими бригадами.

За кулисами Алису и тетку Веру тщательно проверили: сначала пропустили через рамку металлоискателя, потом со всех сторон прозвонили маленьким приборчиком, а затем еще толстая тетя в милицейской форме их обыскала. Алисе это показалось странным, но не слишком: все-таки им сидеть в первом ряду, мало ли что.

Однако странности продолжались: Алису вдруг отвели в гримерку, и тетенька очень московского вида принялась колдовать над ее лицом: накладывать густой тон, подводить глаза, красить яркой помадой губы. А на соседнем кресле – с ума сойти! – сидела певица Таня Буланова, и другая гримерша делала лицо ей.

– Зачем вы меня-то красите? – спросила Алиса гримершу. – Я ведь не звезда!

Но та ответила загадочно:

– Звезда – не звезда, все равно тебе надо выглядеть.

А потом начался концерт, и Алиса с тетей Верой действительно получили места в самом первом ряду, прямо по центру перед сценой, и очень хорошо видели, а тем более слышали всех московских звезд. Столичный красавец сидел за ними во втором ряду, перед началом он положил Алисе руку на плечо и прошептал: «Не волнуйся, все будет хорошо».

А в середине концерта, между двумя номерами, в зале начался какой-то бемц, особенно заметный здесь, у сцены. Количество охранников с рациями, и без того немалое, вдруг удвоилось, группа каких-то людей быстро прошла мимо Алисы, а потом вдруг раздался торжественный голос диктора:

– На нашем концерте присутствует... – интригующая пауза. – ...Прррезидент Ррроссийской Федерррации... Боррис Александррович Дыбцын!!!

Публика взорвалась криками и аплодисментами. Многие

повскакивали с мест, чтоб разглядеть президента. А Алисе и вставать не пришлось: глава государства оказался за два кресла от нее. Между ними сидели только один шкаф-охранник и довольно молодая женщина с короткой стрижкой.

Когда прокричали его фамилию, седой президент поднялся во весь свой недюжинный рост, потряс в приветствии вздетыми над головой руками, а затем неуклюже, словно дрессированный медведь, раскланялся залу. Публика снова взревела.

А затем концерт пошел своим чередом, и президент вместе со всеми хлопал в ладоши и подпевал. Алиса хорошо видела это со своего места, и ее охватил странный восторг от того, что она находится от него совсем рядом. Девушка, конечно, больше смотрела на президента, чем на сцену, и он показался ей хоть и старым, но бодрым и крепким. Словно медведь, шкура у которого уже слегка облезла от прожитых лет, но он еще может задушить любого, кто будет с ним недостаточно почтителен.

Когда концерт подходил к концу, случилось неожиданное. Молодой певец пел что-то разухабистое, а президент, о чем-то пошептавшись с сидевшей рядом с ним молодой дамой, вдруг вскочил со своего места и бросился на сцену. Охранники уважительно посторонились, пропуская его.

В два прыжка, бодрячком, Дыбцын выскочил на сцену. Узнав его, зал взревел от восторга. А президент оттеснил от микрофона бэк-вокалиста – и начал подпевать солисту. Зал

зашелся в восторге еще пуще.

Но песней шоу не ограничилось. Властитель России несколькими движениями сорвал с себя пиджак, покрутил им над головой и швырнул его на пол сцены (зал снова вскипел). Затем президент принялся танцевать, изображая нечто среднее между твистом и гопаком. Неистовству зала не было предела. Многие вскочили со своих мест и принялись в упоении скандировать:

– Дыб-цын! Дыб-цын! Дыб-цын!

И вот тут Алису схватил за плечо сидевший сзади москвич-красавчик и жарко заговорил прямо в ухо:

– Все, девочка, твой выход. Беги на сцену. И запомни: ты даришь цветы не певцу, а президенту! Поняла: президенту!

Он сунул ей в руки букет – очень простой, как будто Алиса сама собрала его в саду своими руками: несколько тюльпанов, ирисы, ромашки.

Песня подходила к концу, и длинноволосый снова сжал ей плечо – на этот раз так, что ей больно стало.

– Давай, девочка, вперед! Не подведи! – и подтолкнул Алису к сцене.

Не чуя под собою ног, она бросилась к рампе. Огромные охранники расступились. Девушка взлетела на сцену, чуть не споткнулась о протянутые в разные стороны пучки проводов и кинулась в сторону президента. Она ничего не видела, кроме белого пятна его лица. Песня как раз кончилась, и Дыбцын схватил за руку и выдвигал вперед солиста. Зал

начал аплодировать.

А когда Алиса наконец добежала до главы государства и сунула ему букет, она расслышала, как публика зашлась овацией. Президент благодарно облапил девушку (объятие у него и в самом деле было медвежье) и поцеловал ее, метя в губы. Вблизи от президента пахло одеколоном и еще чем-то – кажется, старостью.

Но шоу на этом не закончилось. Музыканты, стоявшие сзади, вдруг выдали проигрыш, и президент, уже отдавший кому-то Алисин букет, снова пустился в пляс, да вприсядку! При этом он своими движениями словно приглашал к танцу Алису – и она не подвела, симпровизировала: поплыла вокруг Дыбцына белой лебедушкой. Зря, что ли, почти два года репетировала в народном театре Бараблинского ДК!

Огромный дворец спорта просто сходил с ума от оваций, криков, веселого посвиста. Опять началось скандирование: «Дыбцын! Дыбцын! Дыбцын!»

А когда мелодия стихла и президент утомился, он схватил Алису за руку и повел ее к рампе. И она наконец разглядела его и увидела рубашку, всю мокрую от пота, и как он тяжело, надсадно дышит, и какой у него, несмотря на грим, бледный, землистый цвет лица. Алисе даже на секунду показалось, что руководитель страны после своих танцев вот-вот грохнется тут же, на сцене, с инфарктом или инсультом.

Но президент все держал Алисину руку в своей трехпалой левой руке и заставлял ее кланяться и кланяться – как будто

это она здесь была главной, а не он. И Алиса кланялась. И чувствовала, что словно купается в волнах восхищения.

А аплодисменты все не смолкали.

* * *

Несмотря на то что прошло уже почти десять лет с того вечера, воспоминание о нем было одним из Алисиных любимейших. Шутка ли: сегодня ты простая десятиклассница в райцентре на Урале и тебя сношает каждая училка – а буквально завтра на глазах у многотысячного дворца ты танцуешь и обнимаешься с самим царем Борисом, Властителем Всея Руси!..

Есть о чем вспомнить. И совсем не хочется возвращаться из красивого прошлого в скучное «здесь и сейчас». Но что делать...

Самолет, доставивший ее из столицы в областной центр, наконец приземлился – подрагивая, свистя и спотыкаясь. Из салона эконом-класса раздались неуверенные, жидкие аплодисменты. Алиса снова оказалась на три тысячи километров восточнее столицы – и опять словно вернулась в то время. И снова ей надо было решать будничные проблемы. Например: как добираться за двести километров в родное и ненавистное Бараблино? По московскому времени еще день, а по местному уже без четверти восемь, скоро темнеть начнет.

Алису, как пассажирку бизнес-класса, пригласили к вы-

ходу первой. У трапа ее одну ждал отдельный микроавтобус. Аэропортовская служащая растворила перед ней дверь машины и села рядом. А когда автомобиль лихо сорвался с места, она, словно читая Алисины мысли, спросила:

– Может быть, вам организовать такси?

– Было бы неплохо.

– Куда вам ехать?

– В Бараблино.

– Минуту.

И проводница тут же, не сходя с места, сняла с шеи телефончик и коротко бросила в него:

– Веня, один пассажир до Бараблина.

Невидимый Веня что-то коротко буркнул, и тетенька сказала Алисе:

– Все устроено, – а потом скомандовала шоферу микроавтобуса: – Выезжай прямо на площадь и подрули к Вениной машине.

– Спасибо, – удивленно проговорила Алиса. У нее мелькнуло: «Бешеные бабки, наверно, сейчас сдерут». Мысли о неподъемной цене пришли к ней оттуда – из бараблинской полуголодной, бесшмоточной юности. Но она быстро себя оборвала: «А мне-то какая разница, сколько сдерут? Все равно Вадим платит».

На привокзальной площади микроавтобус подвез Алису к черной «Ауди» – неновой, но крепкой. Стюардесса улыбнулась: «Вот ваш лимузин...» Алиса дала ей сто рублей чаевых

и заслужила смущенно-радостную улыбку: «Спасибо, зачем, право, не стоило бы...»

А еще через пять минут они катили с шофером Вениамином по улицам областного центра – объездную дорогу в городе до сих пор не достроили. И ничегошеньки здесь на поверхностный взгляд не переменялось. Все плоше, угрюмей и захудалей, чем в Москве: дороги – разбитей, дома – обшарпанней, фонари светят тускло.

Односложно ответив на вопросы шофера – впервые ли она на Урале? надолго ли приехала? – Алиса дала понять, что не расположена к разговорам. Водила оказался понятливым, докучать беседой не стал. Включил негромкую музыку и сосредоточенно погнал вперед. Скоро областная столица осталась позади.

А Алиса снова погрузилась в свои воспоминания.

* * *

...Когда тот концерт завершился, президента и сопровождающих его лиц куда-то быстро увели. Вместе с ними исчез и красавчик. На своем месте оставался лишь его ординарец в мятой водолазке. Он и отвел Алису вместе с тетей Верой назад к машине.

Девушка была словно оглушена. В толпе зрителей, расходившихся после концерта, кое-кто бросал на нее узнающие взгляды – среди них попадались и завистливые. Однако боль-

шинство не обращало на нее никакого внимания. Это было удивительно и досадно, и даже хотелось в голос крикнуть: «Эй, вы что?! Не узнаете меня?! Я ведь только что с президентом танцевала, обнималась – а вы мне хлопали!» Чувство оказалось столь же обидным, как в раннем детстве, и даже в сто раз обидней. Тогда Алиса танцевала на елке среди снежинок и была среди них самой красивой, самой талантливой и лучшей, и все ей хлопали и смеялись. Но очень скоро пришлось снять костюм, засунуть его в мешок и идти вместе с мамой по темным морозным улицам, где никто-никто ее не узнавал. Надо было возвращаться домой и готовиться к завтрашней контрольной...

И в тот вечер тоже: Алисе предстояло вернуться в Бараблино и снова ходить в школу, мыть для тети Веры посуду и кормить ее курей. А красавец-москвич даже не сказал ей спасибо, не похвалил за то, как она сыграла свою роль, и не произнес ни единого доброго слова. Исчез и попрощаться не подошел.

Его мятый помощник усадил Алису с тетей Верой в тот же микроавтобус, равнодушно скомандовал шоферу: «Отвезешь их сегодня в гостиницу, а завтра утром – назад в Бараблино». Потом протянул Алисе конверт и пакет с рекламной символикой концерта и безразлично бросил: «До свидания».

В машине тетя Вера заставила Алису, еле сдерживающую слезы, открыть конверт и пересчитать деньги. Там оказалась еще одна тысяча долларов – по тем временам и бараблинско-

му житью целое состояние. А в полиэтиленовом пакете лежали бейсболка с эмблемой акции «Голосуй, или проиграешь», футболка размера XL и пластмассовая авторучка с тем же логотипом. И все. Ничего личного. Хотя бы автограф президентский дали. Или какое-нибудь благодарственное письмо в рамочке. Разглядев содержимое пакета, девушка не смогла больше сдерживать слезы и разрыдалась. Тетушку не рассердил, как бывало всегда, ее плач. Она гладила Алису по плечу, утешала и говорила, как замечательно Алиса выглядела, каким молодцом держалась на сцене.

В гостинице они с теткой сразу легли. Номер был со всеми удобствами и накрахмаленными простынями. Но отель стоял напротив вокзала, и всю ночь из-за штор доносились свистки электричек, гнусавые объявления о прибытии-отправлении поездов и звонки делающих круг трамваев.

Тетка сразу засопела, а Алиса еще долго не могла уснуть. Ворочалась, смотрела из-за штор на привокзальную площадь, пила воду из графина. У нее было чувство, что ее обманули – хотя, если разобраться, никто ее ни в чем не обманывал. Наоборот, все выполнили, что обещали, и даже с лихвой. Почему только ей так обидно? Будто посулили миллион и бриллианты, а отделались рублем и бижутерией...

Наконец под утро она уснула.

А проснулась, как ей показалось, через мгновение – от дикого стука в дверь.

За окном уже светало. Алиса бросила взгляд на часы: по-

ловина шестого утра. Тетка Вера подскочила в постели, прошлепала прямо в ночнушке к двери, спросила строгим голосом:

– Кто?!

– Вера Евграфовна! Алиса! Быстро открывайте!

Алиса сразу узнала голос – то был вчерашний красавчик, и сердце у нее забилось в неясном предвкушении.

– Давай, тетя Вер, запускай его: не слышишь – свои! – подогнала она тетушку.

– Нам надо одеться, – важно молвила через дверь тетя Вера.

– К черту одеваться, не буду я смотреть на ваши прелести! Отпирайте сейчас же! – проорал из-за двери москвич. – Важное правительственное сообщение!

Из коридора донесся еще один голос – злой шепот горничной:

– Что вы тут крик развели?! Я ща милицию вызову! Убирайтесь отседова! Людям отдыхать мешаете!

– Тетя Вера, не тяни! – взмолилась Алиса, и той ничего не оставалось делать, как отворить дверь.

В номер вихрем ворвался давешний красавец. От него ощутимо пахло вином, но выглядел он по-прежнему столичным комильфо: аккуратный галстук, ровный пробор, безукоризненный пиджак.

Алиса села в кровати в своей пижамке, на всякий случай закрываясь еще и одеялом.

– Мы победили! – радостно прокричал гость, простирая к Алисе руки. – Дай я тебя расцелую, моя русская красавица!

И не успела она опомниться, как он бросился к ней, обнял и троекратно расцеловал. От него пахло хорошим одеколоном, и запах вина совсем не раздражал, а руки и губы у него оказались столь нежными, что у Алисы внутри даже что-то затрепетало.

– Ишь ты! Ну-ка! Потихе тут с поцелуйчиками! – запоздало отреагировала тетя Вера.

А тот, не обращая на нее никакого внимания, продолжал, обращаясь к Алисе:

– Ты Папе очень приглянулась! Очень! Я прямо с банкета! Все прошло великолепно, а Папа подошел ко мне и сказал, – и гость начал вратьяжечку, явно передразнивая: – «Эта харашшо, шта-а ты выкопал этту девчушку с цветами. Э-та очень харрашо! Э-та показывает, понимаешь, шта-а народ любит своего президента. Шта-а мы с народом, понимаешь, едины. И никаким вражеским коммунистическим силам нас, понимаешь, не разделить!...»

– А Папа – это кто? – лукаво, будто не понимая, спросила Алиса. Глаза ее радостно сверкали.

– Тот дяденька, – ухмыльнулся красавчик, – с кем ты вчера на сцене отплясывала... Короче, Алиска, потом я говорил с Татьяной. И мы решили твой вопрос...

– А Татьяна – это кто? – на этот раз искренне удивилась Алиса.

– Татьяна – это Папина дочка. И на данном этапе – руководитель предвыборной кампании. Короче, она распорядилась, чтобы ты, Алиска, ехала дальше с нами.

– С кем – с вами? Куда – ехала? – вопросы нетерпеливо сыпались из уст Алисы.

– С нами – в предвыборное турне, – терпеливо отвечал лощеный столичный щеголь. – По всей нашей необъятной и многонациональной Родине. Будем ездить, пока у Папы силенок хватит.

– Зачем?

– Да все затем же. Станешь с президентом танцевать.

– Никуда я ее не отпущу, – вклинилась тетя Вера.

– Вы, мамаша, тоже поедете с нами, – отмахнулся от нее красавчик. – Будете и дальше блюсти девочкину сохранность и целкость.

Впоследствии Алиса мысленно не раз благодарила тетю Веру за то, что та встряла в разговор и дала возможность ей собраться с мыслями, а не то бы она немедленно закричала: «Да! Да! Я согласна!» Но благодаря паузе Алиса сумела мгновенно обдумать свое положение (из безвестной школьницы она в одночасье превратилась чуть ли не в фаворитку самого президента!). И потому важно сказала:

– Я бы с радостью поехала, но у меня ведь школа. Годовые контрольные на носу, а учителя зверствуют...

– Со школой мы договоримся, – сделал отметающий жест москвич. – Тебе поставят пропуск по уважительной причи-

не.

– Подумаешь, «уважительная причина»! – хмыкнула она. – Мне аттестат зрелости нужен.

– Поможем, – кивнул президентский имиджмейкер.

– Хочу аттестат экстерном, – категорически заявила Алиса. – Все пятерки не обязательны, но без троек. И чтоб экзамены никакие не сдавать.

– Однако! – хмыкнул собеседник, но потом достал из кармана блокнот, что-то в нем пометил и кивнул: – Ну, решим вопрос.

– А потом... – протянула Алиса. – Не знаю, сможем ли мы с тетей надолго дом оставить. Хозяйство-то у нас большое, работы много. Мне помогать приходится. Я посуду мою, белье стираю, кур кормлю... А механизации никакой...

– Чего еще хочешь-то? – перебил красавчик. Он принял Алисину игру: в его глазах запрыгали лукавые чертики.

– Хотим новый холодильник, стиральную машину, микроволновку, посудомоечную машину, кухонный гарнитур, – лихо загнула пальцы Алиса.

– Шустрая ты деваха, – покачал головой посланец самого «царя Бориса». – Ладно, сделаем. Еще что-нибудь?.. Но имей в виду, лиса Алиска: даже у золотой рыбки было всего три желанья. Ты использовала – два. У тебя осталось одно. Так что аккуратней с просьбами-то. Не останься у разбитого корыта.

– Пугаете?

– Предупреждаю.

Алиса стала лихорадочно думать: «Чего бы еще попросить у «золотой рыбки»? Эх, дура я, разменялась на какую-то микроволновку!.. Может, денег?.. Но миллион долларов красавчик все равно не даст, а меньше нет смысла просить, только мелочиться!.. Может, квартиру в Москве заказать? Но зачем она мне – когда нет у меня в столице ни работы, ни денег?.. Или...»

– И еще я хочу, – твердо молвила Алиса, – чтобы меня приняли во ВГИК. Или в любой другой актерский вуз в Москве. Без экзаменов.

– Туда не только экзамены сдают, – возразил красавец, в очередной раз чирикавая в своем блокнотике. – Там самое главное: творческий конкурс.

Алиса нахально возразила:

– А пусть мне за творческий конкурс засчитают мой танец с президентом. Как этюд.

– Круто берешь, – вздохнула «золотая рыбка» в облике столичного имиджмейкера. – Ну ладно, попробую.

– «Попробую» мне не подходит!

– Хорошо, сделаю.

– И еще...

– Стоп-стоп! Это уже четвертое желание. Перебор!

– А это не мое желание, – упрямо сказала Алиса, – а тети-Верино. Пусть нас в дальнейшем не селят больше в такие дыры с паровозами. Хочу тихие гостиницы с евроремонтом.

Москвич в очередной раз сделал пометку в своем кондучите и покачал головой:

– А ты, оказывается, оторва, лиса Алиса...

* * *

Алиса в очередной раз оторвалась от воспоминаний.

Смеркалось. Шофер молча гнал свою «Ауди» по пустынной ухабистой дороге.

Кругом холмы, леса, ни единой деревеньки, разметки или дорожного знака.

Отсюда, из далекой провинции, начинался Алисин путь наверх.

Сюда она возвращалась, чтобы выяснить наконец всю правду о прошлом.

* * *

Что Алиса помнила о своей прежней жизни?

Помнила ужасный день, исказившееся лицо матери. И ее страшные слова: «Отец погиб».

Именно так: «Отец погиб». Не «папа умер». Не «отца не стало». Не долгие подготовительные разговоры, подводящие к самому страшному, а неожиданное, короткое, резкое: «Отец погиб».

А после этого – чернота.

Ни отпевания, ни похорон, ни поминок. Больше ничего, связанного с папой.

Забвение. Амнезия.

Затем – сколько времени прошло? Три дня? Неделя? Месяц?

В памяти всплывает плачущая мать. Ее искаженное лицо. Мама говорит с какими-то людьми. Кричит им резко и зло: *«Я вам ее не отдам! Не отдам!»*

И Алиса вдруг понимает, что эти мамины слова относятся к ней. И помнит, какой приступ ужаса она испытала, услышав их. Противный страх поднялся откуда-то снизу, словно приступ рвоты, и, не владея собой, Алиса тогда закричала:

– Нет! Нет! Я не хочу!! Не отдавай меня!!

И мама кинулась к ней и принялась гладить ее, целовать и утешать:

– Это не о тебе, Алисонька! Это не о тебе! Как ты могла подумать! Я никогда тебя никому не отдам!

А потом – снова сон, темнота. Кто-то ее будит, заставляет перевернуться, поит микстурой...

А затем всплывает еще одна картина, самая горькая: похороны мамы. Отпевание. Смешной дьячок, похожий на мушкетера. Солнечный луч, упавший точно на лицо матери, лежащей посередине церкви в гробу...

Потом – опять сон, длинный-длинный. То с кошмарами, то со сладкими видениями.

И вот – она уже не в Москве, а в неведомом Бараблине.

Над ней склоняется лицо тети Веры:

– Вставай, деточка, в школу опоздаешь...

– Где здесь туалет?

– Вот, Алисонька, сходи на горшочек.

– А настоящий туалет где?

– У нас тут по-другому принято, чем у вас в Москве. В доме удобств нет. Есть будочка зеленая в конце огорода. Хочешь, туда сходи.

И вторым планом бурчание дяди Коли:

– Пусть, пусть до ветру идет. А то зассали мне тут всю избу...

* * *

«Ауди», на котором Алиса ехала в Бараблино, пронеслось сквозь притулившуюся к трассе деревушку.

Уже стемнело, ни души на улице. За окнами изб виднеются телевизионные всполохи.

Здесь по-прежнему в туалет ходят на улицу, зато уверенно принимают шесть телепрограмм из Москвы. Цивилизация.

* * *

Алиса не раз приступала к тете Вере с расспросами:

Что случилось с отцом? Почему умерла мама?

Зачем ей, Алисе, пришлось уехать из Москвы?

Что стало с родительской квартирой?

Что происходило с ней самой, Алисой, сразу после того, как с родителями случилась беда?

И каждый раз тетя Вера – когда хитро, когда с прибауткой, а когда и зло – уходила от расспросов.

Но теперь-то... Коли соседка, тетя Клава, пишет, что тетка плоха... Теперь-то, перед смертью, она наверняка раскроет свои тайны?

Ведь если не она, кто тогда расскажет Алисе всю правду?

* * *

По этой запустелой дороге последний раз Алиса ехала почти десять лет назад, летом девяносто шестого. Тряслась в старом душном «ЛиАЗе». В трусы зашиты деньги, в сумочке – выправленный экстерном аттестат, в чемодане – курица на дорогу и бутылка вишневого компота. Тащила она от Бараблина до областного центра пять часов, компот от жары скис, пришлось его выбросить и купить на вокзале бутылку пепси-колы.

Красавчик выполнил свои обещания. Почти все.

Когда той весной они путешествовали с президентом – Казань, Саратов, Волгоград, – их с теткой Верой и правда стали селить в тихих гостиницах без вывески. В двухкомнат-

ных номерах, сервированных чайными сервизами, электрическим самоваром, фужерами. Холодильник обычно ломился от еды и выпивки.

Днем они с теткой обычно гуляли по городу, ходили по магазинам, приобретали (как выражался красавчик) экипировку. И каждый вечер их привозили на концерт столичных звезд и усаживали в первый ряд.

И всякий раз повторялось одно и то же. Под самый занавес президент, сидевший где-то рядом, словно не в силах удержаться, скидывал пиджак и вырывался на сцену. Выхватывал микрофон и начинал петь и танцевать. Толпа ревела от восторга. В поисках эффектных кадров к рампе бросались фотографы и телевизионщики.

А потом с букетом к президенту выбегала Алиса. Тот принимал цветы, по-медвежьи облапывал ее, целовал. Порой начинал с ней танцевать.

Много позже, уже скучая в Москве в Гнездниковском, Алиса отыщет отчет, вроде бы случайно забытый в квартире имиджмейкером. И прочтет исследования социологов: то предвыборное турне вместе со звездами эстрады принесло президенту как минимум два миллиона дополнительных голосов на выборах. Коли так, скромно решила Алиса, ее собственный личный вклад в избирательную кампанию – как минимум полмиллиона лишних голосов. Ну или хотя бы триста тысяч. А как вы думаете, сколько стоит образ девушки из народа, в порыве экстаза дарящей букет цветов лидеру

страны?

И если в самый первый день Алисин выбег с букетом казался удачным экспромтом, то постепенно он превратился в работу. В самый настоящий актерский труд. Имиджмейкер президента, а звали его Андрей, каждый раз требовал от нее «этюда на перевоплощение»: «Раз уж ты, красавица, на актерский собралась!» Объяснил почему: нельзя допустить, чтобы в головы журналистов или телевизионщиков, освещающих президентское турне (тем более из противоположного, коммунистического лагеря), закралась даже тень подозрения, будто девушка – «подсадная».

И посему в Казани Алиса с помощью черного парика и грима превратилась в знойную восточную красавицу.

В Саратове она изображала неформалку – в кожаной косухе, короткой футболке, джинсах, волосы спрятаны под банданой, в пупке – пирсинг.

В Волгограде гример и костюмерша сделали из нее даму полусвета – в соблазнительнейшей мини-юбке, чулочках в сеточку и туфлях на двенадцатисантиметровой шпильке.

Однако президенту была известна их общая тайна. Он уже узнавал Алису и однажды на сцене незаметно для всех подмигнул ей, прошептал: «Привет, девчужка...» – и погладил по попе.

В другой раз – кажется, в Волгограде – он вдруг, приняв букет, грохнулся перед Алисой на одно колено (взрыв восторга на трибунах) и принялся лобызать ей ручки.

Замечательнейшее воспоминание! Лишь очень немногие женщины на свете могут похвастаться тем, что перед ними стоял на коленях глава одной из супердержав, хозяин огромной ядерной империи!

И никто из посторонних, кажется, даже не заподозрил – вот она, волшебная сила искусства! – что девчонка, в разных городах преподносящая цветы президенту, каждый раз одна и та же. Секретом владели только Алиса с тетей Верой, сам президент, его строгая дочь Татьяна, ну и имиджмейкер Андрей со своим оруженосцем.

Однажды, когда Андрей был в благодушном настроении (после одного из особенно удачных концертов), Алиса спросила его: «Зачем вам понадобилось возить меня из города в город? Неужели в каждом новом местечке нельзя было выбрать новую девушку?»

– Слишком хлопотно, – пожал плечами ее работодатель. – Искать их, потом проверять, одевать, инструктировать... А вдруг у новенькой зажим случится? И она до сцены не дойдет? Или описается от страха?... К тому же, открою тебе государственную тайну, ты, красотка, одновременно и Папе, и Тане понравилась. А у нас в стране как Папа с Таней скажут – так все и будет.

Как-то раз (кажется, это случилось в Казани) тетя Вера вызвала из гостиницы на переговоры дядю Колю, оставшегося в Бараблине. (Мужу, кстати, тетя Вера соврала близко к правде: дескать, Алиса едет на гастроли – на подпевки в

столичной рок-группе, а она ее сопровождает.)

Дядя Коля явился на переговорный пункт озверелый. Ревел на всю почту:

– Мне тут кухонную мебель привезли! И холодильник! И стиральную машину! И даже какую-то посудомойку!!. Кто за эту мудню платить будет?!!

Тетя Вера живенько бушующего супруга успокоила, а положив трубку, погладила Алису по плечу, поцеловала и сказала повлажневшим голосом:

– Спасибо тебе, доченька, и обо мне не забыла...

То была самая большая ласка, которой Алиса дождалась от тетушки за все годы совместного житья.

А от всей предвыборной поездки у шестнадцатилетней Алисы осталось ощущение нескончаемого праздника. Да и разве это был не праздник! Каждый вечер – грим, свет рамп, овации многотысячной толпы. После концерта – ужин вместе с артистами, отцами города и организаторами. И почти всегда рядом с нею оказывался красавчик. Он рассказывал анекдоты, травил байки про президента, полоскал столичных звезд. Держался при этом покровительственно, словно старший брат. Никаких тебе вольностей, ни пошло-го намека, ни касания рукой. Другие мужики – и шоумены, и административный ресурс – прямо-таки столбенели при виде Алисы, ее молодой красоты, предпринимали различные заходы – через лесть, обещания, посулы. Подкарауливали в глухих углах гостиниц и фуршетных залов, в любви объясня-

лись. Да только тетя Вера была настороже – попробуй тронь ее подопечную, так отбреет наглеца, что мало не покажется, может и матюком послать.

И лишь со стороны Андрея – отстраненное, выдержанное, братское отношение. Единственный поцелуй в гостинице в ночь после самого первого «их» концерта – а потом пустота. Несправедливо. Поэтому ближе к концу поездки Алиса вдруг поняла: а ведь она в него влюбилась. В глаза его синие, волосы длинные, шелковистые, его чувственный, всегда готовый к циничной ухмылке рот... И все чаще девушка думала, что скоро кончатся их гастроли и она, возможно, больше никогда его не увидит. От одной этой мысли сразу становилось пусто, тоскливо и тошно.

И Алиса, коль уж проявляет себя ее любимый болваном бесчувственным и высокомерным, решила действовать сама – тем более что и времени им быть вместе оставалось всего ничего.

Последний концерт дали в Пензе. Президент с ближним кругом уж отбыл. Артисты и организаторы уезжали завтра. Красавчик, естественно, следовал в Москву. Алиса с теткой – в постылое Бараблино.

Прощальный банкет организовали в бывшем зале приемов при бывшей обкомовской гостинице. Местная администрация, чтобы ублажить столичных гостей, расстаралась во всю. Лучшие повара демонстрировали кулинарные изыски, самые вышколенные официанты, сбиваясь с ног, разносили

яства и выпивку, родная водка мешалась с шампанским из Парижа, джин запивали коньяком, виски текло рекой. И настрой у публики был соответствующий, самый разгульный: ай да мы, молодцы! Какую махину подняли, какое дело провернули! Себя не посрамили, президенту помогли! Все от себя зависящее сделали, чтоб не допустить красного реванша!..

Под влиянием пламенных красноречивых тостов даже тета Вера (даром что на выборах собиралась голосовать за коммунистов) опустошила пару фужеров шампанского. А в третий бокал Алиса ей ненароком водочки плеснула – она уже не понаслышке знала об убойной силе коктейля «Северное сияние». После третьего тоста тетушка разом ослабела, и Алиса самолично вызвалась проводить ее до номера. Довела, уложила, обещала «хорошо себя вести» – и выскользнула вон.

Итак, дуэнья была нейтрализована, путь к любимому расчищен.

А дальше все получилось даже слишком просто. Он встретился ей в том же гостиничном коридоре: то ли случайно, то ли специально за ней следил. Положил Алисе руки на плечи, привлек к себе, поцеловал. Шепнул: «Пойдем ко мне, выпьем на брудершафт!» – «Ты и так со мной на «ты», – слабо засопровтивлялась она. «А ты-то со мной нет!» – усмехнулся он, подхватил ее на руки и внес в свой номер.

Снизу, из банкетного зала, еще доносились пьяные выкрики, аплодисменты, тосты, а они уже лежали, растянувшись, на его кровати и не спеша, успев утолить первую страсть, ласкали друг друга.

«Никакого сравнения с Юрцом, – расслабленно и сыто думала Алиса. – Ощущения даже рядом не валялись». Юрцом, Юриком звали ее первого постоянного мужчину. Он исполнял характерные роли в Бараблинском народном театре и до поры представлялся Алисе чуть ли не самым раскрепощенным принцем. «И не встретить я Андрея, так бы, дура, Юрца за Дориана Грея всю жизнь и считала...» – покаянно думала теперь она.

– Я скоро в Москву приеду, – сказала она.

– Вот как? – рассеянно отозвался любовник, поглаживая ее волосы.

– Ну да, во ВГИК поступать. А ты забыл? – Алиса вырвалась из его объятий, угрожающе нависла над ним: – Ты – забыл?!

– Нет-нет, я помню. Помню все. Мы решим этот вопрос.

Он встал, дотянулся до пиджака, достал из кармана золоченую коробочку. Алиса залюбовалась его обнаженной фигурой: стройное тело, широкие плечи, красивые ягодички.

– Вот тебе моя визитка. А это мой секретный мобильный

номер, – он чиркнул по карточке золотой ручкой. – Его почти никто не знает. А ты, – со значением произнес он, – можешь звонить мне в любое время.

На визитке значилось:

Андрей Федорович Теплицын

Президент группы компаний «ТЕЛС»

– А «ТЕЛС», – она игриво пощекотала его уголком карточки по шее, – от слова «тело»?

– Нет, – серьезно ответил он, – это от слов Теплицын и Ласин.

– А кто такой Ласин?

– Мой партнер.

– Он такой же умный, как и ты?

– Нет, – нахмурился Андрей. – Его убили...

* * *

И вот спустя полтора месяца Алиса, как дура, стояла на Ярославском вокзале Москвы, сжимая в одной руке чемодан, а в другой – визитку Теплицына.

За прошедшее время он никак не дал о себе знать. Хотя

у него имелся ее бараблинский адрес. Не хворый – мог бы открыточку черкануть. А если очень занят – вызвать ее на почту на телефонные переговоры.

Алиса с трудом усмиряла в себе желание позвонить ему. По тому самому секретному сотовому. Тем более что повод имелся: президент, за которого они агитировали народ, победил в первом туре. И в этом, считала Алиса, и ее, и Андрея немалая заслуга.

Только звонить из Бараблина – это ведь пошло! Идти на почту. Заказывать разговор у сплетницы-телефонистки. Разговаривать из душной кабинки – там, как ни шепчи в трубку, все равно каждое слово по всей переговорке разносится. А на почте – полно народу, через одного – знакомый или сосед... Вот Алиса разговор все откладывала и откладывала. И дооткладывалась – до того момента, как приехала в Москву.

Столица – она не была здесь полтора года – потрясла ее воображение. Казалось, здесь не люди живут, а инопланетяне. Вроде бы выглядят так же: руки – ноги – голова, а двигаются и говорят в два раза быстрее, чем она уже привыкла в Бараблине. Стоит чуть замешкаться – сшибут, затопчут и даже не оглянутся.

На вокзале, волоча чемодан и уворачиваясь от спящих по разным направлениям аборигенов, Алиса добрела до газетного киоска. Купила телефонный жетон. Отыскала телефон-автомат – у самого входа в метро «Комсомольская».

Москвичи толпами проносились мимо. Никто не обращал

на Алису ни малейшего внимания. Разве что милиционер посмотрел чуть пристальней, чем на прочих.

Затаив дыхание, Алиса набрала «секретный мобильный» Андрея Теплицына.

В трубке ответил *женский голос*.

Жена?!

Возникло желание немедленно бросить трубку. Слава богу, Алиса этого не сделала. Поэтому услышала бодрый девичий рапорт:

– Группа компаний «ТЕЛС». Приемная президента. Чем могу помочь?

Вот тебе и «секретный мобильный»! Выходит, Андрей аппарат где ни попадя бросает, и любая секретутка по нему ответить может?

– Мне, пожалуйста, Теплицына, – постаралась быть взрослой и надменной Алиса.

– Андрей Федорович в настоящий момент не может подойти к телефону. Что ему передать?

Хм, что ему передать? Что приехала его любовница с Урала, из райцентра Бараблино? И стоит на вокзале, идиотка, с чемоданом?

– Скажите ему, что звонила Алиса. Он меня хорошо знает.

Голос секретарши смягчился (или девушке так показалось):

– Как он может с вами связаться?

В этот момент, как назло, заголосил вокзальный репро-

дуктор: «Скорый поезд «Вятка» Москва – Киров прибывает на пятый путь. Нумерация вагонов от головы состава...»

– Что, простите? – переспросила теплицынская профурсетка.

– Я сама ему позвоню, – сказала в тяжелую автоматную трубку Алиса. – Когда его можно застать?

– Я не располагаю подобной информацией, – голос бабырышши заледенел.

Вот и триумфального, в стиле Наполеона, въезда в Москву не получилось – пришлось Алисе одной, с чемоданом, спускаться в метро и ехать в институт.

Целый день прошел в хлопотах. Алиса сдавала в приемную комиссию документы. Получала направление в общагу. Общежитие оказалось местом даже гораздо более гадким, чем все Бараблино, вместе взятое: потертое, грязноватое, отвратно пахнущее заведение.

Алиса долго ждала коменданта, который, как сообщила вахтерша, отъехал, но скоро будет.

Зато, когда (уже под вечер) комендант появился, глаза его при виде Алисы загорелись. Он, явно не без умысла, поселил ее в комнату, где она оказалась в одиночестве. Даже помог донести чемодан. Галантно распахнул скрипучую дверь.

– Здесь три кровати, занимай пока любую. Я прослежу, чтоб никого, кроме тебя, сюда не селили.

А потом попытался притянуть Алису к себе, прошептал:

– Мне лично нравится кроватка у окна. Меньше скрипит.

Отпразднуем новоселье, крошка?

Алиса отбилась, отговорилась, вытолкнула его. Захлопнула перед настырным носом дверь. Облегченно выдохнула. Гадливо подумала: «А ведь завтра он придет снова». И впервые пожалела, что рядом нет тети Веры – с ее надоедливой заботой о нравственности племянницы и крепким матерком.

Из чувства противоречия она заняла другую кровать, поближе к двери.

Койки оказались не застелены.

Но идти искать того, кто выдаст белье, не хотелось. Скорей всего, кастелянша уже ушла. А в коридорах общаги можно опять наткнуться на коменданта. Или на какого-нибудь маньяка похуже.

Алиса без сил прилегла на незастеленную койку. В комнате, помимо кроватей, обшарпанных книжных полок и шкафа, оказался телевизор. Явно излишняя для общаги роскошь. Его, вероятно, оставил кто-то из счастливых выпускников.

От нечего делать Алиса включила телик. Старый портативный телящик с антенной-усами показывал все программы в черно-белом изображении. Под мерное бубуканье воскресной аналитической программы Алиса заснула.

Проснулась от выстрелов. Это палили друг в друга герои голливудского боевика.

Девушка глянула на часы. На дворе ночь, без двадцати час. Надо бы встать, отыскать душ, помыться.

По коридору пронеслось несколько пар ног. Раздался громкий хохот. Выходить из комнаты расхотелось совершенно. Фиг с ним, с душем. Можно, как учила тетя Вера, лосьоном обтереться.

Вдруг по черно-белому экрану прополз титр: «Через несколько минут смотрите экстренный выпуск программы «Итоги недели»».

«Что-то случилось, – подумала Алиса. – Может, президента избрать не успели, а он уже помер? Или в Кремле снова путч какой-нибудь?»

И очень быстро голливудский фильм действительно заткнули на полуслове. На экране появился ведущий телеаналитик страны в сдвинутых на кончик носа очках. Он казался явно встревоженным.

– Силы, не удовлетворенные исходом первого тура президентских выборов, – с места в карьер начал умный усач, – затеяли новую провокацию. Как нам только что стало известно, службой безопасности на выходе из Дома правительства задержаны двое сотрудников предвыборного штаба президента.

На экране появились кадры любительского видео – похоже, оперативная съемка. В комнате без окон толпились люди в масках, с автоматами на плечах. И только двое, на неудобных стульях, сидели без масок – молодые, симпатичные, богато одетые. Оба выглядели растерянными.

Алиса ахнула: один из задержанных оказался ужасно по-

хож на ее красавчика. Голос усача за кадром подтвердил ее догадку.

– Двое руководителей предвыборного штаба президента, Андрей Теплицын и Егор Стоянов, задержаны президентской службой безопасности. Налицо... – и аналитик в студии стал, страшно шевеля усами, вещать о провокации против демократии, об угрозе фашистского переворота, об атаке на президента.

А Алиса смотрела невидящими глазами на экран и думала: что же теперь будет с Андреем? И, главное, что теперь будет с нею? Как ей в институт-то без его помощи поступить? А может, и вправду начался правительственный переворот и сейчас начнут арестовывать всех, кто был связан с Теплицыным? И ей лучше, пока не схватили, смотреться назад в тихое Бараблино?

Потом снова как ни в чем не бывало по телевизору пошло кино. И Алиса решила: чему быть, того не миновать. Она останется в Москве. Ведь еще неизвестно, что лучше – Бараблино или тюремные нары. А в институт она и без красавчика поступит: способностей-то у нее изрядно, иначе б на концертах с президентом ей так истоиво не хлопали.

Спустя час фильм снова прервали, и Алиса прослушала еще один совершенно никчемный экстренный выпуск, в котором повторили все то же самое. Под утро она уснула. И, уже засыпая, насладилась сладкой мыслью: а вдруг Андрей все уже предусмотрел? И в приемной комиссии ее фамилия

числится в каком-то особом, привилегированном списке?

* * *

Следующие несколько дней прошли как в угаре.

В институте вывесили расписание творческого конкурса.

Алиса лихорадочно учила басню, стихи и кусок из прозы. Дома она не удосужилась даже подумать об экзаменах, самоуверенно решив, что любовник и без того обеспечит ее поступление.

В общежитскую комнату въехали две новые девчонки – одна из Череповца, другая аж из Владивостока.

Комендант Алису больше не преследовал – наверно, нашел другой, более податливый объект.

По телевизору сообщили, что красавчика выпустили. За него вступился, кажется, сам президент.

Однако телефон Теплицына молчал. По нему даже секретарша перестала отвечать. Противный автоматический голос сообщал по-английски, что абонент находится вне зоны приема.

Наконец наступил первый тур. В зале было душно. Комиссия сидела с непроницаемыми лицами. Алиса декламировала плохо: путалась, сбивалась. Да и выглядела неважно: какой уж тут кураж, если горячей воды во всей общаге нет, по ночам мешают спать непрекращающиеся вопли из коридора, да и сейчас, на экзамене, вместо благодарной публики на те-

бя смотрят сплошь кислые рожи. Ей даже не дали дочитать до конца басню, сказали: «Достаточно».

В самом упадническом настроении она вернулась в общежитие.

А назавтра, когда вывесили списки прошедших во второй тур, Алиса не нашла в них своей фамилии. Как и следовало ожидать, она оказалась среди тех, кому было отказано.

Вокруг творились маленькие драмы. Те, кто прошел, обнимались с друзьями и родителями. Неудачники плакали в чьих-то объятиях. За Алису никто не болел – ни подруги, ни бойфренд, ни родные. В полном одиночестве она растерянно побрела по улице. Что ей теперь делать? Как жить в Москве?

Ни друзей, ни родственников, ни квартиры. Ни работы, ни учебы, из общаги теперь мигом выпишут. И денег осталось совсем чуть-чуть. Но Алиса знала одно: в Бараблино она больше не вернется.

Она брела по тихой, залитой солнцем улице – однако, несмотря на полный раздрай в душе, замечала: едва ли не каждый встречный мужик, от юнца до старпера, провожает ее взглядом. Значит, не все еще потеряно.

В сумочке Алиса нащупала жетон телефона-автомата. Подошла к будке – выбиты все стекла, стенка разрисована граффити. Однако таксофон, на удивление, работал.

Она наудачу набрала номер Теплицына. И – о чудо! – тот вдруг ответил. Сам. Его голос Алиса узнала бы из миллиона. В трубке послышалось деловитое:

– Слушаю, Теплицын.

– Привет, это Алиса.

– Кто-кто? – переспросил голос.

– Алиса, – повторила она. – Из Бараблина. Которая...

– Я все помню, – прервал красавчик.

Голос его звучал сухо. Наверно, у него совещание, полный кабинет людей. А может, жена рядом.

Алисе хотелось сказать, как она волновалась, когда его арестовали, и что она провалилась во ВГИК, и как ей одиноко в Москве – но слов не нашлось, и девушка вдруг рыдалась.

– Ты где находишься? – спросил Теплицын.

– Я здесь, в Ма-аскве-е... – сквозь слезы пропела Алиса. – Я в твой ВГИК проклятый провалила-ась...

– Где ты находишься сейчас конкретно? – терпеливо повторил Андрей. – Адрес?

Алиса глубоко вздохнула, подавила слезы и сообразила назвать адрес общаги. Дом, улицу, номер комнаты.

– Будь там через час, – приказал красавчик. – И собери вещи. Я пришлю за тобой машину.

* * *

Через час Алиса медленно, чтобы насладиться триумфом, проследовала из дверей обшарпанного общежития к черному «Мерседесу». Шофер бережно нес ее чемоданчик. От-

крыл перед ней заднюю дверцу машины. Из десятков окон Алису, машину и шофера провожали завистливые взгляды.

На улице было жарко, а в машине прохладно, пахло кожей и играла классическая музыка.

В таком лимузине никакой московский беспредел на дорогах не страшен. Напротив, все участники движения тебе путь уступают, и можно сидеть королевой, наслаждаться видами. Москва-река, пароходики, Кремль. Дом Пашкова, новое здание Ленинки, Манеж...

Пронеслись по Моховой, потом шофер свернул налево, на Тверскую. Алиса думала, что он везет ее в офис к Андрею. Однако «Мерседес» въехал в переулок и остановился у старинного многоэтажного дома.

Водитель помог Алисе выйти. Достал из багажника ее чемодан. Затем набрал код на домофоне и распахнул перед ней дверь подъезда.

На ступеньках лежала ковровая дорожка, на стенах висели зеркала, а шахта старинного лифта была украшена затейливой решеткой.

В лифте шофер нажал кнопку последнего этажа.

– Куда вы меня везете? – спросила Алиса, но тот будто и не заметил ее вопроса.

Они вышли на четырнадцатом этаже. Лестничная площадка оказалась совсем не такой, как в обычном доме. Она походила скорее на гостиничную. Длинный коридор – метров, наверно, сто. И справа, и слева – ряды дверей с но-

мерами. Только там и сям у дверей стоят то детская коляска, то лыжи, то стопки старых журналов. В этом старинном, похожем на гостиницу доме люди, судя по всему, жили от рождения.

Шофер открыл одну из дверей своим ключом. Пропустил вперед Алису, втащил чемодан.

– Куда вы меня привезли? – опять спросила она.

И снова сопровождающий не ответил. Вместо этого снял со стены трубку телефона, набрал номер, почтительно проговорил:

– Андрей Федорович, мы на месте.

Передал трубку Алисе. Голос Теплицына на сей раз звучал весело:

– Алисонька, располагайся. Чувствуй себя как дома. В холодильнике – еда, если проголодалась. А я скоро приеду, тогда поговорим.

Перед тем как испариться, шофер распахнул шторы, и Алиса застыла у окна, потрясенная. Вся Москва была как на ладони. И Кремль, и недавно построенный храм Христа Спасителя, и дом на Котельнической набережной, и другие высотки и переулки центра.

Шофер оставил ключ на столе, записал на бумажке Алисин новый адрес и код домофона. Значит, она не пленница. Она в любой момент может уйти отсюда.

Уйти – и что делать? Возвращаться в Бараблино? Или остаться в Москве и ночевать на вокзале?

В холодильнике и в самом деле оказалась еда. Самая разнообразная, от икры до замороженной курицы. В шкафчиках на крохотной кухне помещался сервиз и запасы чая, кофе и сладостей.

Главное место в единственной комнате занимала кровать. В зеркальном шкафу-купе обнаружили два костюма, джинсы и несколько рубашек – все мужские. В ванной имелись зубная щетка, бритва и набор разнообразной мужской косметики. Никаких следов присутствия женщины.

«Все ясно, – подумалось Алисе. – У Теплицына, похоже, есть жена, дети. А это – квартира для тайных свиданий. Андрей хочет сделать меня своей содержанкой. И это, конечно, лучше, чем с позором вернуться под крыло к тете Вере и дяде Коле. Но куда хуже, чем учиться вольной студенткой в престижном ВГИКе. Надо подумать. Очень серьезно».

Красавчик явился через два часа. В руках – огромный букет роз.

– Здравствуй, лиса Алиска, – ласково проговорил он. – Здравствуй, наша юная звезда. Я соскучился.

И от его слов, и от его взгляда, и от улыбки веяло такой теплотой, что в них растопились и Алисин гнев («Со ВГИКом меня обманул!»), и упреки («Сам в общагу не приехал, шофера прислал!»). Теплицын бережно погладил ее по щеке. Она уже почти растаяла, но не поддалась, отбросила его руку. Зло проговорила:

– Значит, ты все решил за меня? Я стану сидеть здесь и

покорно ждать, пока придет мой повелитель? А ты будешь появляться у меня, чтобы отдохнуть от семьи и дел? Чтоб я тебе тут стриптиз на халяву танцевала?

Андрей расхохотался. Она сбилась.

– Чего ты ржешь? – спросила грубо.

– Во-первых, ты очень дурнеешь, когда злишься. Во-вторых, ты неправильно все поняла. Совсем неправильно.

– А как прикажешь тебя понимать?

– Во-первых, видеться мы с тобой будем, только *когда и если* ты захочешь. Во-вторых, я не собираюсь держать тебя взаперти, как какую-нибудь гейшу. У тебя появится множество дел.

– Каких еще дел? – нахмурилась она.

– Самое главное: ты пойдешь учиться.

– Учиться? Куда?

– В одно частное заведение.

– Такая же туфта, как твой ВГИК?

– Нет. Не чета ВГИКу. Это очень элитное и закрытое заведение. И, кстати, дорогое – но платить за тебя буду я.

– И чему меня там станут учить?

– Примерно тому же, что и во ВГИКе. Но на другом уровне, куда выше. Актерскому мастерству. Движению. Речи. И к тому же – иностранным языкам (очень серьезно, не сравнить с творческим вузом!), этикету и куче разных других полезных дисциплин.

– И на кого меня будут учить? – нахмурилась она. – Какой

такой профессии? Шпионки? Проститутки?

– А вот об этом мы сейчас поговорим. Пошли на кухню, попьем чаю, тортику поедим. И я тебе все расскажу. Я не люблю тайн мадридского двора и предпочитаю играть открытыми картами.

* * *

Среди многочисленных контор, которыми руководил господин Теплицын (президент группы компаний «ТЕЛС»), имелась одна, нигде не зарегистрированная, не платящая ни копейки налогов и не числящаяся ни в одном справочнике. Мало кто ведал о ее существовании. Но те, кто знал, являлись сплошь людьми богатыми и влиятельными. Потому что контора оказывала услуги весьма деликатного свойства.

– Деликатного – но не интимного! – Андрей сделал решительно отстраняющий жест. – Я подчеркиваю – совсем не интимного! Спорить не стану: интим тебе, Алиска, конечно, предлагать будут. И, возможно, часто. Но тебе его, наверно, и так предлагают. Ты у нас девушка видная. И как ты, скажи мне, с надоедами обычно поступаешь?

– Посылаю, – хмуро буркнула Алиса.

– Вот и сейчас будешь посылать. Подчеркиваю еще раз: по роду своей работы ты совершенно не обязана оказывать секс-услуги. Наши клиенты платят совсем не за это.

– А за что?

– За то, что рядом с ними находится молодая, красивая, умная женщина. Просто – *находится*. На приеме, или на премьере, или в ресторане. Вот представь: миллионер (или там правительственный чиновник) получил приглашение на прием. Скажем, на презентацию нового банка. И с кем ему прикажешь идти? С женой? Но миллионерам и тем более чиновникам – обычно за сорок. Или – под сорок. Женились в советское время рано, обычно на ровесницах. Значит, и супружнице нашего VIPа примерно столько же. Но если мужчина, да еще с деньгами, к сороковнику имеет вид самый процветающий, то женщины, как правило, уже выходят в тираж. Даже богатые. Морщины, дряблая кожа, животик... Никто из друзей, или гостей, или партнеров на такую не клюнет. Никто не возбудится. Никто о ней назавтра не вспомнит, и никто этому богачу не позавидует. Другое дело, если он придет с девушкой – молодой, умной, красивой. Вот тут он их всех уест. Такой эффект произведет – мало никому не покажется. Красивая молодая женщина – как галстук от «Диора» или «Мерседес»! Статусная вещь!

– Значит, вещь, – проговорила Алиса, вспоминая «Бесприданницу», монолог из которой она пыталась прочесть на творческом конкурсе. – Я буду вещью.

– Знаешь, – усмехнулся Теплицын, – *вещь* не говорит на иностранных языках, и в бизнесе не разбирается, и об искусстве не спорит. А ты – будешь.

– И насчет интима ты врешь. Все равно эти твои клиенты

начнут меня в койку тащить, – горько заметила Алиса.

– Нет! Еще и еще раз повторяю тебе: нет, нет и нет. Никакого секса!.. Конечно, если тебе *самой* вдруг кто-то очень понравится... Или если клиент захочет *дополнительную* услугу – за *дополнительную*, подчеркиваю, плату... Но это – исключительно на твое усмотрение. Хочешь – даешь, не хочешь – не даешь... Кстати сказать, по опыту других девочек знаю, просьбы об интим-услугах поступают от клиентов достаточно редко.

– С чего вдруг?

– Потому, во-первых, что люди они очень занятые, подверженные постоянным стрессам и умственным нагрузкам. Знаешь, как поэт Вишневский написал? «Если жизнь излишне деловая – функция слабеет половая...» А во-вторых, клиенты наши обычно умеют считать деньги. И если выход под ручку с тобой будет стоить семьсот долларов, то во сколько, задумается он, ему обойдется ночь? Да он лучше купит обычную проститутку. С Тверской. Пусть она по-английски ни бум-бум и не знает, кто такой Уорхол. Зато станет ему куда дешевле. Не больше стольника баксов...

– Сколько, ты говоришь, я буду получать за один выход? – задумчиво спросила Алиса.

– Получать будет агентство, то есть я. Самой девушке идет половина. А ставки – разные. Поначалу, конечно, твои эскорт-услуги будут долларов за триста покупать. Потом, когда обучишься, поднатореешь – и семьсот станут платить, и

штуку баксов... Но самое главное ведь не деньги. Во всяком случае, для тебя...

– А что же?

– Знаешь, кем стали те пять девчонок, с которыми я этот бизнес четыре года назад, в девяносто втором, начинал?

– Ну?

– Все пятеро сейчас замужем. Да за кем! Одна – за бельгийским миллионером, другая – за нашим нефтепромышленником, третья – за телевизионщиком, руководителем одного из федеральных телеканалов... В общем, все девчонки до одной как сыр в молоке купаются...

– Как сыр в масле, – машинально поправила Алиса. – И не купаются, а катаются.

– Да? Извини, у меня всегда были проблемы с идиомами.

– Значит, – с усмешкой молвила Алиса, – самая главная твоя цель, как у истинного благодетеля, – удачно выдать меня замуж.

– А что делать? – Теплицын обезоруживающе улыбнулся своей белозубой улыбкой. – Я ведь тебя люблю и искренне желаю добра. Но сам-то я женат.

* * *

После того как Андрей ушел, Алиса долго стояла у окна. Над Москвой смеркалось, загорались рубиновые звезды Кремля. Тысячи машин, везущие богачей, толпились на

Тверской и Садовом кольце.

Она вдруг заплакала. Ей стало горько оттого, что красавчик обманул ее. Оттого, что он уже использовал ее – и собирался использовать дальше. От его аргументации, полной противной мужской логики: «во-первых», «во-вторых»... И оттого, что впереди была неизвестность. Неизвестность и, предчувствовала Алиса, грязь и пошлость, лишь расцвеченная блестками речей об искусствоведении, сценическом мастерстве и иностранных языках.

Но все равно возвращаться назад в Бараблино она не хотела. В конце концов, лучше за семьсот баксов сопроводить на банкет стареющего чиновника, чем прогуливаться с ее экс-принцем, Юрцом, по темным улицам поселка. И с благодарностью принимать в подарок отвратительный джин-тоник в жестяных баночках.

* * *

И вот она возвращалась в Бараблино. Спустя девять лет после того, как уехала отсюда.

«Ауди» с шоферюгой Веней подъезжала к поселку. Замелькали знакомые предместья, и Алиса внезапно ощутила приступ ностальгии. Вот уж не думала, что когда-нибудь станет вспоминать об этой дыре почти с нежностью!

Сразу рядом с поселком – сосновый бор. А за ним – озеро. Оно очень чистое, очень синее и глубокое. Когда Алиса за-

кончила девятый класс, она гуляла там со студентом, приехавшим из областного центра на каникулы. Студент перешел на второй курс и казался Алисе очень взрослым. Он держал ее за руку и декламировал Есенина. А потом прочитал свои стихи.

Ты, Алиса, самая красивая,
кареглазая, тихая, милая!

Но дальше поцелуев со студентом дело не пошло. Он слишком робел, чтобы преодолеть ее сопротивление. Не понимал, что она особо и не старалась сопротивляться. Как раз по поговорке – ее дядя Коля любил цитировать: «Когда курица убегает от петуха, она думает: а не слишком ли быстро я бегу?»

Драгоценная добыча досталась, как часто бывает, не самому милому, а самому наглому. Тем же летом, после девятого класса, трое десятиклассников на том же озере напоили Алису почти до беспамятства портвейном «три топора», а потом Кира Бердов утащил ее в заброшенную сторожку. В портвешок, видимо, водки добавили – так как не соображала она ничего. Ну и слава богу – потому что почти не было больно. Алиса помнила только жесткие Кирины руки и его срывающееся дыхание. И еще помнила, что потом разбила нос одному из Кириных прихлебателей, который попытался повторить его подвиг. Ну а потом, уже в десятом классе, у

нее появился принц из народного театра Юрец...

– Вам куда в Бараблине-то ехать? – оторвал Алису от воспоминаний шофер.

– Улица Чайковского, двенадцать, – машинально отозвалась она.

За окном замелькали бараблинские «Черемушки» – пятиэтажные хрущевки в ряд. Среди них торчали три местных небоскреба: девятиэтажные дома. В окнах горело электричество, а на темной детской площадке вспыхивали огоньки сигарет: там традиционно тусовались подростки. Выросло уже новое поколение.

В здешних многоэтажках, вспомнила Алиса, никогда не бывает горячей воды. А выше третьего этажа не доходит и холодная. Жителям приходится таскать воду ведрами из колодцев и колонок.

Проехали главную площадь: Дом культуры, поселковая администрация, двухэтажная гостиница, обелиск в честь павших воинов.

Начался частный сектор – одноэтажные домишки.

– Третья улица направо, – подсказала Алиса водителю.

– Знаю. Я сам отсюда, – буркнул шофер.

Ну вот, не будь Алиса столь погружена в себя – могла бы чудненько проговорить с водилой всю дорогу. Вспомнили бы жизнь бараблинскую, нашли бы общих знакомых, расстались друзьями. Только оно ей надо – вспоминать про здешнее бытие? Считайте ее хоть снобом, хоть кем – но Бараблино из ее

жизни вычеркнуто.

Свернули на улицу Чайковского. Почему, кстати, Чайковского? Зачем – Чайковского? Великий композитор никогда в Бараблине не был. Да и не мог бывать: поселок вырос уже много позже его смерти. А зачем в Бараблине имеются улицы Пушкина, Гоголя, Лермонтова? Стандартный советский набор...

На Чайковского, или Чайке (как кликали улицу местные жители), сразу начались ухабы. Из-за заборов раздался собачий лай. Псы передавали «Ауди» как эстафету. Наконец затормозили у дома двенадцать.

– Сколько с меня? – спросила Алиса.

– Сто баксов, – рубанул шофер. Алиса поняла, что он стесняется называть такую несуразную в своей огромности сумму.

Ни слова не говоря, она протянула водителю зеленую бумажку. Шофер обрадованно выгрузил ее сумку и укатил.

Забор теткиного дома совсем покосился. Калитка закрывалась на прикрученную проволочку. В свое время Алиса не попросила у «президента» ни забор отремонтировать, ни дом в порядок привести – вот они и стояли скособоченные, облупленные. Дядя Коля был не по этой части. Ему бы все на охоту с рыбалкой ходить да пить. В ответ на теткинны попреки обычно куражился: я, мол, вас мясом обеспечиваю, рыбой!.. А теперь, как дядьки не стало, хозяйство, видно, окончательно в упадок пришло.

Алиса открыла калитку, пошла к дому. В ноги с лаем бросился облезлый Мухтар.

– Ты что, Мухтарушка, не узнаешь? – Девушка поставила сумку на землю, протянула к собаке руки: – Это же я, Алиса.

Мухтар обнюхал, устыдился, завил хвостом. Признал. Вспомнил. За девять лет пес из бодрого щенка превратился в старую, худющую собаку: глаза слезятся, шерсть висит клоками.

Скрипнула дверь дома. На пороге возникла тетка Клавуся, соседка.

– Это ктой-то здесь? – спросила тревожно, вглядываясь в темноту.

– Это я, Алиса.

– А-а! Явилась – не запылилась! – с язвительным радушием промолвила та. – Вот молодец, к нам наконец-то добра-ла-ася! Вот молодец, пожа-аловала!

– Войти-то можно?

И ругаться с теткой Клавой не хотелось, и радушной с ней быть никогда не получалось.

– Да входи уж, входи, раз прибыла!.. Сюда вот, на кухню-ку, проходи. Одно токмо приличное место во всем доме и есть – ее ж твоими стараниями покойникам пожаловали...

– Покойникам? А что, тетя Вера уже умерла?

– Нет-нет, – слегка смутилась Клавуся. – Жива еще. Но, – она понизила голос, – сильно плоха. Врачи говорят: со дня на день, со дня на день.

– Что у нее?

– Рак, – с удовольствием произнесла соседка. – Четвертая стадия.

– Можно ее увидеть?

– Там она, в зале. Да только щас к ней нельзя. Десять минут как «Скорая» приезжала, укол ей сделала обезболивающий. Спит она... А ты давай чайку с дороги попей. Покушай чего бог послал, а завтра с Верой и поговоришь. Если она в силах будет.

Клавуся стала доставать из холодильника колбасу, сыр, из проржавелой хлебницы – хлеб. Чайник на плиту поставила.

– А мы уж тебя и увидеть больше не чаяли-и, – продолжила она лицемерные причитания, – ведь как уехала тогда, носа к нам не каза-ала, даже к Коле на похороны не прибыла-а...

– Хватит! – неожиданно для самой себя рывкнула Алиса. – Хватит чушь нести! Я устала!

Соседка замкнулась в молчании. Обиженно поставила перед гостьей нарезанную колбасу, сыр, чай. Колбаса отдавала мылом, чашка оказалась жирной.

– А что ж вы, посудомоечной машиной не пользуетесь?

– Не, – буркнула тетя Клава. – Много она электричества жрет. И напора водяного для нее мало.

Села напротив Алисы. Внимательно рассмотрела ее, а спустя минуту строго добавила:

– Ты, девка, имей в виду: Вера все мне завещала. Все. И дом, и участок, и имущество. За то, что я за ней хожу – вот

уж пятый месяц. Все по правилам. При свидетелях. Нотариус завещание подписал. Так что ты, девка, оспорить завещание, конечно, можешь, потому что ты вроде ей кровная (хоть и седьмая вода на киселе). Да только знай: начнешь со мной тягаться, зубы себе и поломаешь. У меня здесь, в поссовете, такие связи!.. – И добавила неуверенно: – Да и в области тоже... Ты хоть и в Ма-аскве живешь, да решаться все у нас будет. А люди и бог все видят. И кто ухаживал за покойницей, а кто – на готовенькое явился.

– Успокойтесь вы, тетя Клава, – миролюбиво сказала Алиса, отставляя в сторону чай. – Ни на что я не претендую. И претендовать, никогда не буду. Больно нужно, – совсем тихо добавила она. Потом вновь повысила голос: – А вам за заботу о тетке – большое спасибо. Можно я теперь лягу?

– Конечно-конечно, – засуетилась подобревшая Клавуся (видно, убедила ее Алиса своим заявлением). – Я тебе в маленькой комнате постелю, а сама в зале лягу, около Веры. На раскладушке, рядышком, как привыкла.

Перед тем как лечь, Алиса заглянула в комнату, спокон веку называвшуюся «залой». В ней пахло очень больным человеком. Тетя Вера лежала на кровати усохшая, крошечная, как младенец. Спящее ее лицо выглядело маленьким и несчастным.

В комнате, где постелили Алисе, – она тут провела полтора года своей жизни – было, как всегда, душно. В доме никогда, даже в самую летнюю жару, не открывались окна, не

выставлялись вторые рамы.

Несмотря на усталость, Алиса не могла заснуть. Ворочалась с боку на бок. В комнате тикали ходики. По-местному – полпервого, а в Москве – всего-то пол-одиннадцатого. В чужих дворах брехали собаки. Порой им вторил глупый Мухтар. Иногда по улице прорывивал грузовик. Глушь, тоска, запустение.

Как хорошо, что она уехала отсюда навсегда!

Но что она получила взамен?

* * *

...Два самых первых клиента, с которыми Алисе пришлось встретиться, оказались ровно такими, как и обещал Андрей: чуть ли не бесполоыми. Седые, важные, богатые. Наверно, импотенты.

Им просто льстило, что рядом с ними находится такая красавица. Им льстило, что она оказывает им знаки внимания: выслушивает их речи, смеется их шуткам, дружески поглаживает по руке. Им льстило, что прочие мужики оглядываются на нее – и завидуют. Никаких сексуальных поползновений с их стороны не последовало.

Третий клиент, восточный человек по имени Рамазан, на голову ниже Алисы, был другой породы. Прямо на приеме оглаживал ее всю, смотрел плотоядно, прижимался, под платье пытался залезть. Алиса особо не возражала: работа есть

работа, не скандалить же. А вот после приема она совершила ошибку: согласилась на предложение Рамазана отвезти ее домой. И едва погрузились в «Мерседес», тот скомандовал шоферу:

– Ко мне едем.

– Вы должны сначала меня домой завезти, – возразила Алиса. – Так в контракте написано.

– Какой контракт-мантракт! Ко мне, красавица, едем!

– Секс – это не ко мне. Вы за это не платили, – вырвалось у Алисы.

Сначала ляпнула – и только потом поняла, какую глупость сморозила. Потому что Рамазан сразу взвился:

– Не платил, да? На бабки набиваешься?! Хочешь, чтоб заплатил?! Я заплачу! Сколько бабок хочешь?!

– Нисколько. Отвези меня домой.

– Тысячу долларов хочешь?

– Нет. Пустите меня.

– Две?

– Пустите. Остановите машину. Я выйду.

– Три хочешь?

– Не надо платье мне рвать, горный ты козел! Оно пятьсот баков стоит! Останови, я сказала!

– Ладно, Абдул, тормози. Слышишь, девушка выйти хочет.

Шестисотый «мерсюк» остановился в глухом месте на Садовнической набережной. Равнодушно горели окна домов,

ни одной машины вокруг, ни единого прохожего. А даже если б и оказались вокруг равнодушные москвичи – разве кто-нибудь вмешался бы в скандал, который устраивает девица в черном «Мерседесе» представителю седоку?!

Шофер, огромный молчаливый амбал, вышел из-за руля, открыл заднюю дверцу – но вовсе не для того, чтобы помочь Алисе выйти из машины. Он за руку выволок ее наружу – и с размаху ударил по голове. Девушка повалилась обратно на заднее сиденье лимузина и потеряла сознание.

Потом, в полутумане, Алиса чувствовала, что она лежит, уткнувшись лицом в кожаные подушки «Мерседеса». Пошевелиться она не могла, потому что голову ее и руки сжимал амбал-шофер. А ею в этот момент сзади, сопя, овладевал жестокий лилипут Рамазан...

Алиса очнулась на мокром асфальте, в разорванном платье, с кровью, струящейся по лицу. Вокруг нее на земле валялись ее сумка, туфли, разорванные трусы – и три зеленые купюры. Рамазан оценил ее сексуальные услуги в триста долларов.

Алиса тут же, рыдая, позвонила по «секретному мобильнику». Теплицын немедленно выслал за ней свою машину с шофером. А на завтра с утра сам приехал в Гнездниковский и положил перед Алисой конверт, туго набитый долларами.

– Я лично приношу тебе извинения и заверяю, что ничего подобного больше не повторится.

И ни единого слова, что он сожалеет. Что ему ее жаль.

В конверте оказалось пять тысяч долларов.

А через месяц Алиса узнала, что Рамазана застрелил наемный киллер. Ей хотелось верить, что жестокому восточному человеку отомстили за нее. Хотя, наверное, это было не так.

* * *

Алиса зажгла ночник, встала с жесткого дивана.

Местное время – два часа ночи. Весь поселок спит. Здесь ложатся рано.

И это жуткое место она должна считать своей второй родиной? Бараблино и здешняя житуха перековеркали всю Алисину жизнь. И в который раз она подумала: «Мама-папа, как же вы рано от меня ушли! Бросили! Оставили сиротой!»

Алиса осмотрела комнату, в которой прожила полтора года. Здесь многое переменялось.

На стене появился траурный портрет дяди Коли: в пиджаке, со значком победителя соцсоревнования.

К его похоронам Алиса послала тете Вере тысячу долларов. И потом не раз переводила ей то тысячу, то две, то три.

Стало понятно, во что превратились те деньги. В комнате появилась громадная лакированная стенка. Вся она была уставлена сервизами и хрусталем. Посуда страшно запылелась. Видно, что ею давно не пользовались. Если вообще доставали хотя бы раз.

Крашенные доски пола закрыл огромный ковер. Два других ковра тетка развесила по стенам, не занятым мебелью. С потолка свисала роскошная (по бараблинским понятиям) золоченая люстра с нелепым вентилятором.

А окно выходит во двор, захламленный по-прежнему. Оконные рамы потрескались, краска на них облупилась. Похоже, их не ремонтировали с тех пор, как Алиса уехала.

Несчастливая тетя Вера. Вся ее жизнь прошла в заботе, чтоб набить в горку побольше фарфора.

«Но имею ли я право ее осуждать? – вдруг подумалось Алисе. – Моя-то жизнь чем от теть-Вериней отличается? Масштабом трат? Купить трехтысячедолларовые туфли и сразить ими на очередной тусовке Вероничку?..

И не слишком ли дорого я заплатила – за столичное житье, большой дом и модные наряды?»

* * *

В первые московские месяцы Алису действительно учили.

Дама из Дипломатической академии давала уроки этикета.

«Девочки, над столом не сутулимся! Спиночки выпрямили! Лопаточками касаемся спинки стула!.. Нож держим в правой руке – как ручку в школе держали, указательный палец вытянут поверх рукоятки!..»

Разговорный английский преподавал очаровательный мужик из МГИМО.

«It's so nice to see you! You look just great! Would you like a glass of champagne?»¹

И даже сценическому движению и сценической речи обучали.

«Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали».

Занятия проходили в огромной, полупустой, явно нежилой квартире на Гоголевском бульваре. Две другие товарки, посещавшие вместе с ней уроки, – возрастом явно старше Алисы, уже далеко за двадцать, – относились к красивой провинциалке высокомерно. Отвергали любые попытки сблизиться. Ее предложение после занятий попить вместе кофейку повисло в воздухе.

После отвратительного случая с Рамазаном первой мыслью Алисы было бежать.

Бежать – но куда? Обратно в Бараблино? Или снять квартиру и идти торговать на рынок? (Где ею будут помыкать такие же Рамазаны, только грязнее, беднее и вонючей.) А то еще есть хорошая профессия: водитель троллейбуса, зарплата до трехсот долларов, общежитие предоставляется...

Хорошо хоть Теплицын проявил минимальную чуткость: дал Алисе прийти в себя. И следующий клиент у нее появился только спустя три месяца, под Новый, девяносто седьмой

¹ «Рада вас видеть! Вы сегодня чудесно выглядите! Не хотите ли бокал шампанского?»

год. Его звали Артем. Очередного Рамазана или Абдуллу Алиса бы просто не пережила.

Артем заехал за ней на новеньком «Саабе». Сам сидел за рулем: молодой, чистенький, весь наглаженный, словно хрустящий. Они отправились на презентацию нового отделения какого-то банка. Всю дорогу молодой человек рассказывал о себе – словно прорвало его: он окончил Высшую школу экономики, вице-президент банка, сколотил состояние на рынке ГКО. Формально женат, но фактически в разводе. Жизнь с супругой не задалась: она все время на сторону смотрела и детей ему не хотела рожать. Он ей квартиру оставил, а сам живет в доме в Переделкине.

К концу дороги Алиса знала о жизни Артема, казалось, все. Тогда она была еще очень неопытна и не подозревала, что многие мужчины именно для того любовниц заводят, и к проституткам ходят, и эскорт-услуги заказывают, чтобы было кому о себе рассказать, на жизнь пожаловаться.

Весь прием Артем от Алисы не отходил. С удовольствием знакомил ее с коллегами. При этом использовал лестную, но слегка напрягавшую девушку формулировку:

– Алиса – моя новая жена.

Однако никаких вольностей банкир себе не позволял. Пил всю дорогу одну минералку, любезно и даже трогательно за Алисой ухаживал. Поэтому к концу вечера, скрашенного тремя бокалами шампанского, девушка слегка оттаяла, решила, что от Артема ждать подвоха нечего.

Подвоха и не последовало: он остался предельно корректен. Отвез Алису на своем «Саабе» домой. А когда подкатил к ее дому в Гнездниковском и заглушил мотор, то повернулся к ней, заглянул в глаза и спросил:

– Ты где Новый год встречаешь?

– Пока не знаю, – пожала плечами Алиса. Не говорить же Артему, что Теплицын заранее предупредил: на новогоднюю ночь обычно бывает много заказов на сопровождение, и она должна быть свободна – есть шанс хорошо заработать.

– Я тут в круиз по Карибам собрался, – слегка даже конфузясь, проговорил банкир. – Но жена отказалась, да и черт с ней, а одному мне скучно, и путевка пропадает. Поехали со мной, а?

– Не знаю... Это так неожиданно... – опустила ресницы Алиса.

– Путевка уже оплачена, все включено, – торопясь и слегка заикаясь, принялся уговаривать Артем. – И... И тебе совсем не обязательно спать со мной. Я обойдусь. Просто будем иногда разговаривать, купаться, на крокодилов смотреть.

– Боюсь, у меня есть планы в Москве.

– Если надо, – сказал, еще более смущаясь, банкир, – заплатить за твои... э-э... хм, услуги, я готов. Сколько скажешь.

– Нет, – резко ответила Алиса. – Думаю, это невозможно. И решительно открыла дверцу автомобиля.

Артем покорно вскочил, помог ей выйти и у подъезда нежно поцеловал руку.

На следующий день, едва Алиса вернулась с занятий, в дверь позвонили. Явился посыльный. Заставил Алису расписаться и вручил ей огромный букет роз. Сорок девять штук, как она потом посчитала. К букету была пришпилена степлером визитная карточка Артема. Все как он рассказывал. Банк «Национальный русский кредит», вице-президент. На визитке от руки написан номер мобильного. И еще одно слово: «Едем?» Алиса никак не ответила на послание и не поблагодарила за подарок.

На следующее утро явился другой посыльный. Он принес бархатную коробочку. В ней покоился золотой браслет, украшенный тремя крупными изумрудами и множеством бриллиантов. И без всяких визиток было понятно, кто отправитель подарка.

Браслет Алиса отослала обратно – пришлось вызывать службу курьерской доставки – по адресу банка, указанному в карточке Артема.

А на третье утро, когда девушка вышла из подъезда в Гнездииковском, чтобы отправиться на занятия, у крыльца стоял огромный розовый лимузин. Шофер с поклоном отворил перед ней дверцу.

– Еще чего! – фыркнула Алиса.

И, не оглядываясь, поковыляла по гололеду в сторону Тверской, чтобы поймать такси.

Однако под аркой, разделяющей Гнездниковский и Тверскую, ее ждал другой лимузин – такой же большой, как первый, только черный. И его шофер тоже распахнул перед Алисой дверцу. Снял фуражку, склонил голову, проговорил:

– Прошу вас!

– Да что ж это за преследования такие! – пробормотала про себя Алиса, прошла мимо и решительно достала из сумочки мобильник.

Сверясь с визиткой, набрала мобильный номер Артема. Когда тот сказал «Слушаю», крикнула возмущенно:

– Почему вы ко мне прицепились?

Последовал ответ:

– Потому что я влюблен в вас.

Алисе показалось, что голос Артема звучит не только в трубке, но и чудесным образом доносится прямо по воздуху. Она растерянно заозиралась.

У обочины Тверской стоял Артем и смотрел прямо на нее. Рядом с ним был припаркован еще один лимузин – белый. Банкир, улыбаясь, словно шофер, распахнул перед Алисой заднюю дверцу.

Ей ничего не оставалось делать, как усесться в машину.

В конце концов, сложно устоять против *трех* лимузинов.

* * *

Алиса согласилась на карибский круиз. А потом, когда

они с Артемом вернулись, – в середине января, довольные, расцветшие, загорелые, – она уведомила Андрея, что уходит из его «фирмы».

Вопреки ее опасениям Теплицын не стал чинить ей препятствий и счета за квартиру и за обучение не выставил. Сказал лишь:

– Очень жаль. Ты мой самый перспективный кадр. Я возлагал на тебя большие надежды. Но все равно я рад, что ты устроила свою личную жизнь. Но на всякий случай помни: я всегда к твоим услугам. И рабочее место в моей конторе всегда остается за тобой.

Алису так и подмывало выкрикнуть: «Никогда больше этому не бывать!» – но... Мало ли что... И она лишь смиренно поцеловала Теплицына в щеку:

– Спасибо, Андрей.

И в тот же день переехала из Гнездниковского в особняк Артема в Переделкине.

* * *

...Они с Артемом прожили счастливо больше года. Но семья – в смысле тоски, рутины, склок из-за того, кто в доме главный, – у них не было. Да и правда – чего склочничать, если совместное житье-бытье напоминало Алисе веселый, сказочный фейерверк? Они ужинали в лучших столичных ресторанах, появлялись на всех премьерах, предавались ново-

му увлечению – кино (в Настасьинском переулке как раз открылся первый в столице нормальный кинотеатр с мягкими креслами и звуком долби-сэрраунд).

Съездили вместе в Париж и на Лазурный берег, в Прагу и даже на Маврикий.

Артем осыпал Алису подарками: цветами, драгоценностями, нарядами. Купил ей машину «Фольксваген Гольф» и заставил пойти на курсы вождения. А каждому вшивому тортику, который пекла для него Алиса, радовался, словно маленький ребенок.

Замуж пока не звал. Алиса сама разговор о браке, конечно, не заводила. Знала: у Артема идет непростой бракоразводный процесс. Хищница Галка, его первая супруга, выдвинула претензии и на квартиру, и на особняк, и на ту часть акций банка, которой владел Артем. Общались они с супругой исключительно через адвокатов, и после каждой подобной встречи Артем возвращался в особняк бледный, разбитый и, болезненно кривясь, повторял из Шекспира: «О женщины! Коварство имя вам!»

Алиса его утешала. Порой ей казалось, что, несмотря на изрядную разницу в возрасте – ей едва стукнуло девятнадцать, а ему уже было за тридцать, – в житейских вопросах она гораздо мудрей и опытнее, чем он.

Идиллия дала трещину через год, к лету девяносто восьмого. Артем стал подолгу задерживаться на работе. Зачастую приезжал домой пьяным. Несколько раз вовсе не при-

ходил ночевать. С Алисой стал резким, нетерпимым, раздражительным. На все расспросы отмалчивался, хмурясь, или начинал грубить. Рестораны, драгоценности и кино как-то внезапно прекратились.

А в августе разразилась катастрофа. Однажды днем, в полной уверенности, что Артем на работе, Алиса отправилась в Москву за покупками на своем новеньком «Фольксвагене».

Когда она возвратилась, на столе в кухне артемовского дома ее ждала записка:

Дорогая Алиса!

Я вынужден срочно уехать. И я больше сюда не вернусь. Ни домой, ни в Россию. Поверь, иного выхода у меня нет.

А почему – рассказывать долго и мучительно. Ты сама все скоро узнаешь – из телевидения и газет.

Извини, что не могу тебя взять с собой. Так будет лучше – прежде всего для тебя самой.

Боюсь, из моего дома тебе тоже лучше съехать. Сомневаюсь, что его оставят тебе.

И еще: если у тебя есть какие-то сбережения в рублях, срочно переведи их в доллары. И ни в коем случае не клади валюту в банк. Ни в какой.

Никому не говори о моем совете – равно как и о том, что мне пришлось бежать навсегда. Всем, кто будет меня спрашивать, отвечай (пока не съедешь из дома), что я уехал ненадолго, а куда – ты не знаешь.

Записку эту, пожалуйста, **обязательно** уничтожь.

Мне было очень хорошо с тобой.

Прости и прощай.

А.

В первый момент Алиса ничему не поверила: «Бред какой-то! Дурацкий розыгрыш!»

Позвонила в банк – там сказали, что Артем Георгиевич скоро будет. Мобильник его не отвечал.

В ванной не хватало бритвенных принадлежностей, из гардероба исчезла пара костюмов и несколько рубашек. Не оказалось и любимого артемовского чемодана. «Сааб» мирно стоял в гараже.

Промучившись неизвестностью ночь напролет, утром по телевизору Алиса услышала какие-то странно-тревожные заявления о «финансовом оздоровлении», «свободном курсе рубля» и «отказе государства платить по своим обязательствам». Алиса мало что поняла, а рублевых сбережений у нее все равно не было. Но доллары из банка она на всякий случай сняла.

Когда прошла неделя, курс доллара скакнул с шести рублей до двадцати пяти, а Артем не появлялся. Что-то подсказало Алисе: надо съезжать из особняка. Она сняла квартиру в Марьине.

Девушка могла только догадываться, что случилось с Артемом, до тех пор, пока в конце сентября не услышала по телевизору сообщение о том, что банк «Национальный русский кредит» отказался выполнять свои обязательства по

вкладам физических и юридических лиц. Руководители банка, сказали в новостях, исчезли и объявлены в международный розыск.

Больше Алиса Артема никогда не видела.

И не у кого было спросить: почему он не взял ее с собой?

Потому, что жалел и берег?

Или потому, что недостаточно сильно любил?

* * *

Ах, Артем, Артем!

Пожалуй, самая светлая страница в ее жизни.

Алиса, вся извертевшаяся, встала с кровати. Ходики показывали четыре утра. Заснуть так и не удалось.

Муха в душевной комнате билась о раму. Откуда-то с соседних огородов прокричал первый петух.

Алиса пошла на кухню – выпить воды. В бараблинской избе имелся водопровод и даже газ. Большая редкость для провинциального поселка.

Но питьевую воду все равно брали из колодца. Когда она училась в школе, их, помнится, даже специально предупреждали: воду из-под крана пить нельзя! Она ржавая и полна бактерий. Алиса ковшиком из ведра налила себе полную чашку.

Из-за стены, из «залы», донеслись равномерные стоны тети Веры. Потом скрипнула раскладушка, и голос Клауси

шепотом прикрикнул: «А ну! Тихо ты!»

Удивительно, но тетка послушалась: перестала стонать.

На окне в кухне стояла иконка. Алиса молитв знала мало, одну «Отче наш» да с пятого на десятое «Символ веры». Поэтому проговорила про себя: «Господи, помоги тете Вере! И еще: дай мне заснуть сегодня. У меня завтра будет такой тяжелый день!»

В последнем Алиса не ошиблась: тетя Вера скончалась через сутки после ее приезда.

* * *

Пять дней спустя, возвращаясь с похорон – на том же дряхлом «Ту-154», – Алиса подумала: «А ведь, получается, тетка дожидалась меня. Дожидалась, чтобы все объяснить, облегчить душу и со спокойной совестью отойти в мир иной».

Весь последний день на земле тетя Вера посвятила своему рассказу.

Знакомый врач из местной больницы колол ей морфий – вот на что еще тратились те деньги, что регулярно присылала Алиса. Поэтому от боли тетя не особенно страдала. Просто была очень слаба и временами посреди фразы отключалась, засыпала.

Соседка Клавуся во время их разговора постоянно заглядывала в «залу». Не только из любопытства – но и, пожалуй,

из опаски: как бы Алиса не сговорила с умирающей поменять завещание в свою пользу. Даже в какой-то момент, когда речь шла об особо интимных вещах, пришлось на соседку гаркнуть. Алису поддержала и тетя Вера. Попросила слабым голосом: «Шла бы ты, Клавуся, домой. За мной пока Алиса посмотрит».

В каком-то смысле, на взгляд Алисы, болезнь пошла тете Вере на пользу – как ни кощунственно это звучит. Исчезли непрошибаемая строгость тона и металл взгляда. Утром, когда тетка увидела у своей постели Алису, она расплакалась, прижала ее к себе, поцеловала ей руку и прошептала: «Прости меня, старую дуру!...»

А вот рассказ тети Веры до глубины души Алису не поразило. Нечто подобное она и предполагала – тетка ее только о деталях просветила. Но детали эти состарили Алису в один день. Уничтожили. Убили...

* * *

Началось все с той самой отцовской работы, которую он нашел себе году в девяносто третьем. Ни мать Алисы, ни тем более тетя Вера не знали, в чем она заключалась. Отец ничего никому не рассказывал. Отшучивался. Бравировал: «Наша служба и опасна, и трудна». Или: «Я теперь – боец невидимого фронта». Он часто уезжал: на пару дней, максимум на неделю. Возвращался бледный, усталый, ложился отсы-

паться (это и сама Алиса помнила). И однажды, в самом конце тысяча девятьсот девяносто четвертого года, пришло известие, что он погиб.

Тогда же случился с Алисой первый приступ ее болезни. Она закричала, заплакала, упала на пол – и потеряла сознание. Мать вызвала «Скорую» – девочке сделали укол успокоительного. Сказали: ничего страшного, надо отдохнуть, отоспаться. Однако на следующий день Алисе стало только хуже. Когда она проснулась – не узнала мать, не понимала, где находится, только сидела, раскачиваясь, в кровати, уставясь в одну точку.

Алиса не пришла в себя до похорон отца. Хоронили его в закрытом гробу. Матери даже не дали взглянуть на него. На похоронах был минимум людей и не присутствовал никто из новых сослуживцев отца, ни единого человека с его странной последней работы. Никаких поминок не справляли – до поминок ли тут, когда с дочкой творится нечто странное и пугающее?

Тетке Вере и дяде Коле о смерти отца, конечно, сообщили – однако они не сочли нужным приезжать из своего Бараблина на похороны. Поэтому обо всем, что произошло после папиной смерти, тетя Вера узнала позже, когда наконец-таки прибыла в Москву. Прибыла – потому что надо было спасти свою двоюродную сестру и ее дочку (Алису). Ведь помощи им больше ждать оказалось неоткуда. Семья Меклешовых жила замкнуто, самодостаточно. Ближе двоюродной

сестры по материнской линии – той самой Веры – не было у них ни родных, ни верных соседей, ни надежных друзей.

На следующее после похорон отца утро Алиса пришла в себя (сама она этого сейчас, как ни напрягала память, вспомнить не могла). Была тиха и спокойна. Попросила поесть. Порадовалась хорошей погоде за окном. О том, где отец и что с ним, не спрашивала – а мама и не рассказывала.

И тут в квартиру Меклешовых явились странные люди. Один из них предъявил милицейское удостоверение. Однако были они в штатском и выглядели и вели себя скорее как бандиты. Алису отправили в ее комнату, а сами стали в жесткой форме допрашивать мать. С кем отец дружил? Встречался? Что рассказывал о своей работе? Выпивал ли он? Была ли у него посторонняя женщина? Есть ли у семьи дача? Машина? Другая собственность?

Затем разговор перешел в иную тональность. Из допроса он превратился в натуральный наезд. Бандиты стали кричать: Алисин отец кинул их на бабки. На очень большие бабки. Прозвучала даже цифра: несколько миллионов долларов. И теперь, раз он умер (или сделал вид, что умер), жена отвечает за его долг.

– Но у меня же ничего нет! – доведенная до слез, выкрикнула мать.

– А девочка? – глумясь, ответствовали бандюки. – Дочку свою нам отдашь. В бордель ее продадим, в Турцию или Эмираты. Пятнадцать лет – хороший возраст. Она девствен-

ница, да? Много за нее не дадут, но тысяч пятьдесят с твоего долга за нее скостим.

– Не отдам! – закричала тогда мама и бросилась на него-
дьяев.

Ее усмирили пощечинами, а потом привязали к стулу и продолжали куражиться. А затем вынесли приговор: помимо Алисы, она отдает бандюкам квартиру: «Перепишешь ее у нотариуса на человека, которого мы укажем».

– Где же нам жить?!

– Где хочешь, – был ответ. – Хоть на помойке.

Последним пунктом бандитских требований явилось следующее: мама Алисы поступает к ним в вечное услужение, становится кем-то вроде рабыни.

– Для борделя ты стара – так полы будешь мыть, еду готовить, одежду стирать. Поняла?.. Неделя тебе сроку! Или найдешь деньги, что твой муж у нас украл, или дочку отберем, квартиру отберем, саму тебя «на хор» поставим!..

Наконец бандиты ушли. Мама заглянула к Алисе – и ужаснулась происшедшей с ней перемене: девочка закуталась в одеяло, забилась в угол кровати, а ее лицо выражало крайнюю степень испуга. Она дрожала всем телом, зрачки были расширены, глаза не выражали ничего. Маму она опять не узнала, только в ужасе бормотала: «Не хочу! Не хочу! Не забирайте меня!»

Похоже, девочка слышала обрывки доносившегося с кухни бандитского разговора, и ее психике, не окрепшей еще

после смерти отца, был нанесен новый удар.

Мать хотела успокоить Алису, приласкать, утешить. Она осторожно дотронулась до ее плеча, но та дико дернулась и панически завизжала.

И как ни пугающе звучали угрозы бандитов – реальный страх за явно заболевшего ребенка заставил на время забыть о них. Мать вызвала «Скорую». При-ехавший молодой врач был внимателен – особенно после того, как женщина вручила ему пятьдесят долларов. Он сказал, что случай очень похож на реактивный психоз. Сделал Алисе укол успокоительного, а когда девочка уснула, вызвал бригаду из «Соловьевки» – клиники неврозов (где у врача работал однокурсник).

Алису госпитализировали. Мама неотлучно находилась с ней. А когда уже под утро вернулась домой, почувствовала сильнейшие боли за грудиной. Пососала нитроглицерин – боль вроде бы отпустила. Но по какому-то наитию все-таки отправила прямо с домашнего телефона телеграмму тете Вере.

Та сохранила ее. Она попросила Алису открыть комод и достать телеграмму из потайного ящичка. На бланке старого образца прыгали буквы:

АЛИСА СИЛЬНО БОЛЬНА = Я ТОЖЕ ПЛОХО СЕБЯ ЧУВСТВУЮ = ПОЖАЛУЙСТА СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙ = ЦЕЛЮЮ = МИЛА

Заснуть маме в ту ночь так и не удалось, боль за грудиной вернулась, отнялась левая рука. И тогда, как ни неудобно ей

было второй раз за сутки вызывать «Скорую», она набрала «03». Приехал фельдшер, измерил давление, сделал кардиограмму. Вынес вердикт: «Похоже, инфаркт. Нужно срочная госпитализация». Мама попыталась сопротивляться:

– Понимаете, у меня дочка в больнице, мне завтра туда нужно, за ней ухаживать! – на что фельдшер равнодушно сказал:

– Дело ваше, только до дочкиной больницы вы своими ногами не дойдете. Это я вам обещаю.

И мать согласилась на госпитализацию – тем более что сердце все болело, болело... За Алису, за похороненного мужа, за жизнь, рассыпавшуюся в один миг...

Тетя Вера, получив телеграмму, немедленно бросилась звонить в Москву. Телефон кузины не отвечал. Тогда она подхватила, кое-как отпросилась с работы и кинулась в областной центр на вокзал. Пусть на поезде страшно долго – только денег на самолет у нее все равно не было.

Спустя двое суток, приехав в столицу, тетя Вера разыскала сестру в больнице: в самой обычной, районной – в палате на шесть человек. Тетю Веру к маме пустили. Та лежала, была слаба, но больше всего ее мучил вопрос: как там Алисонька?

Тетя Вера кинулась в «Соловьевку» – к ней спустился дежурный врач. Пугать не стал, но и не обнадежил:

– Случай в каком-то смысле типичный, однако весьма тяжелый. Прогноз, в принципе, благоприятный, но требуется

терапия в условиях стационара. Посещения, даже близких родственников, пока нежелательны. Да и все равно, – добавил врач, – Алиса сейчас спит и вряд ли сможет войти в контакт с вами.

Тетя Вера заехала к ним домой за последними мамиными сбережениями, а потом вновь поехала к ней в больницу. Там развила бурную деятельность: перевела мать в отдельную палату, договорилась, чтобы для нее, Веры, поставили здесь же раскладушку. Всю ночь они с мамой проговорили. Та рассказала ей обо всех трагических перипетиях последних нескольких дней и взяла с двоюродной сестры обещание: если с ней вдруг что случится, тетя Вера станет заботиться об Алисе. Денег у Веры не было – получала она на своем бараблинском комбинате сущие гроши. Тогда кузины договорились, что мама завещает тетке – именно ей, потому как Алиса все равно несовершеннолетняя и к тому же нездорова – свою единственную ценность: московскую квартиру.

Тетя Вера согласилась, и назавтра в больницу пригласили нотариуса. Оформили завещание. А на следующий день ситуация удивительным образом начала, как показалось в тот момент тете Вере, налаживаться.

Про Алисину маму врачи стали говорить, что, конечно, надо беречься, но выздоровление не за горами. Ей разрешили вставать, понемногу гулять и «думать о хорошем». Мать, конечно, пыталась, хотя состояние Алисы, а также угрозы бандитов (которые представлялись обычным москвичам в те

времена всесильными) ее очень угнетали.

А тетьа Вера тем временем отправилась в УБОП на Шаболовку. Там ее приняли очень серьезно, беседовали вежливо и даже позволили написать заявление о вымогательстве. Оперативники проинструктировали ее: лично ни в коем случае ни с кем из бандитов не встречаться. А коли будут телефонные звонки – записывать их на магнитофон. На этот случай тете Вере вручили под расписку телефон с определителем номера и диктофоном.

Однако прошла неделя, а бандюки никак не давали о себе знать.

Пошло на лад и состояние Алисы. Врачи «Соловьевки» разрешили тетке навестить ее. Предупредили: никаких дурных вестей – ничего, что может потревожить больную.

Алиса предстала перед тетей Верой вялой, заторможенной, подурневшей, но адекватной. (Как ни рылась сама Алиса в своей памяти, этого она вспомнить не могла, как не могла припомнить практически ничего из того времени, что она провела в клинике. Всплывали только какие-то крашенные масляной краской стены, ночь, тени от деревьев. Или вдруг лицо врача – такое красивое, что его хотелось расцеловать.) Потом с тетей Верой долго беседовал молодой доктор. Расспрашивал о состоянии здоровья матери, домашних условиях, материальных возможностях. Сказал, что если процесс реабилитации будет идти теми же темпами, то Алису через неделю можно будет выписать под наблюдение психиатра по

месту жительства.

Пообещали выписать и маму. Рекомендовали щадящий режим и массажированную лекарственную терапию. Следующую неделю тетя Вера провела, разрываясь между двумя больницами. И сестре, и племяннице требовалось привозить все: от лекарств до еды. Нужно было подкармливать врачей, платить сиделкам.

Мамины сбережения быстро кончились. Тетя Вера заказала переговоры с Бараблином, с дядей Колей. Нужны были деньги, и много. Столичные цены приводили тетку в ужас. Их даже сравнить нельзя было с бараблинскими. Дядя Коля на просьбу раздобыть и срочно прислать денег ответил, натурально, матом. Тогда Вера рассказала супругу о завещанной ей квартире. Это изменило дело. В любом случае, сказала Вера, сестра в долгу не останется. В итоге дядя Коля согласился, чтобы спасти сестру и племянницу, продать машину, старенький «Москвич».

Через неделю пришли деньги. Бандиты по-прежнему не проявлялись. Мама с Верой воспрянули духом: может быть, пронесло? Может, бандиты просто ее поугали и, с ходу не добившись своего, решили отстать от семьи? Или подействовало заявление тети Веры и московский УБОП схватил отморозков?

Наконец наступил счастливый (для мамы и тети Веры) день: Алису выписали из «Соловьевки». Сама девушка, оглушенная лекарствами, которыми ее обильно закармлива-

ли врачи, пытаясь избавиться от страхов, не помнила своего возвращения в родное гнездо. Только теперь тетка рассказала: она оставила ее дома со строгим наказом дверей никому не открывать, к телефону не подходить – и, окрыленная, бросилась в больницу к сестре.

Но там... Там ее оглушило кошмарное известие: Алиси-на мама скончалась. Утром у нее случился второй инфаркт. Врачи ничего не смогли поделать.

Впоследствии (рассказала тетя Вера Алисе только сейчас) стало известно: накануне вечером к маме в клинику приходил человек, представившийся оперативником УБОПа. Он провел с ней наедине больше часа. Был ли он и в самом деле сотрудником милиции и о чем он говорил с ней в ее отдельной палате, никто не знал – только спустя пару часов после его ухода мама почувствовала себя худо. Ее отправили в реанимацию, однако к утру, несмотря на все усилия врачей, она умерла. Ради того, чтобы организовать похороны, тетя Вера заложила в ломбард все золотые украшения – свои и мамины.

Как только тело сестры было предано земле, Вера обратилась в риелторское агентство и объявила, что через полгода, когда она вступит в права наследства, следует немедленно продать московскую квартиру Меклешовых. И вечером того же дня, прихватив с собой Алису, уехала в Бараблино.

Она рассудила, что там, на свежем воздухе, при парном молоке, девочке станет лучше – московские кошмары, мол,

сами собой улетучатся из сознания бедной сиротки.

Как ни странно, тетя Вера оказалась права. Юный организм справился с болезнью безо всякой дальнейшей врачебной помощи. В один прекрасный день, примерно через неделю после приезда в тетушкин дом, Алиса словно очнулась от глубокого сна. Она помнила, что ее родители умерли, и осознавала, что находится в Бараблине. Однако те две недели, что прошли между смертью отца и матери, практически стерлись из ее памяти, оставив лишь несколько нестерпимо ярких, однако не связанных друг с другом образов: известие о гибели папы... чрезвычайно красивое лицо молодого врача... тени деревьев на стене палаты... похороны мамы...

Спустя полгода после смерти Алисиной мамы тетя Вера, ничего не сказав двоюродной племяннице, отбыла в Москву: вступать в права наследства.

– Прости меня, дочка, – прошептала она сейчас Алисе. – Прости, что ничего не сказала тебе тогда. Прости, что выписала тебя с Москвы... Что московской квартиры с пропиской лишила... Но и ты меня пойми... После смерти твоих мы все в долгах были... Ведь тебя и одеть, и обувь, и ранец купить надо было... А Коля не работал, только пил, да от меня все «контрибуцию» за свою машину поганую требовал...

– Бог простит вас, – машинально откликнулась Алиса, стараясь не смотреть на умирающую. Тетя Вера выглядела настолько худой, сморщенной и несчастной, что язык не поворачивался выговорить ни слова упрека.

– Бог-то ладно... – прошептала тетка. – Кто знает, есть ли он на свете... Ты – меня прости... Скажи, дочка, что простила...

– Простила, тетя Верочка. Конечно, простила, – наклонилась к кровати умирающей Алиса и поцеловала ее в лоб. – Ты же как лучше хотела. Чтоб от бандитов меня подальше увезти...

Та заплакала – и вдруг облегченно уснула.

А очнувшись через пару минут, рассказала Алисе, что квартиру Меклешовых она продала за сорок тысяч долларов. Часть этих денег пошла на новую машину дяде Коле (вот откуда у него взялась бордовая «девяносто девятая», которой мужик чрезвычайно дорожил!). Благодаря деньгам за столичное жилье тетя Вера раздала долги, смогла прилично приодеть и нормально кормить Алису. И правда, вспомнила девушка: если первые несколько месяцев в Бараблине Алиса и карамельки считала лакомством, а гречневую кашу – праздником, то после поездки тети Веры в столицу в доме стали есть и фрукты, и мясо, и шоколад.

– Прости меня, дочка, – снова извинилась тетка. – Я не все деньги за квартиру тогда на тебя потратила... Я на учебу твою откладывала... Но как ты уехала в Москву, такая гордая, и зарабатывать стала... и мне даже слать... Я на себя кое-что потратила... Там, в горке, ящичек потайной... Возьми, это тебе... А то все равно Клавуся притырит...

Алиса, следуя указаниям тети Веры, достала из потайно-

го ящичка шкатулку. Та оказалась вся доверху забита золотыми украшениями: толстыми, аляповатыми серьгами, цепями, брошами. Алиса не могла даже представить себе, что когда-нибудь сможет надеть на себя столь безвкусные вещи.

– Возьми, Алиса... – прошелестела умирающая. – Продашь... Я денежной реформы испугалась... Копила золотишко, все равно, думала, тебе пойдет...

В коридоре слышались шаги, лицо тети Веры исказилось, она воскликнула: «Прячь! Прячь!» – и Алиса инстинктивно сунула шкатулку к ней под одеяло. В «залу» вошла Клавуся, подозрительным взглядом обвела их и грубо спросила:

– Принести чего надо?

– Нет-нет, ничего не надо, Клавочка, – с фальшивым умилением произнесла тетя Вера.

По странной гримасе судьбы, эта фраза оказалась ее последними осмысленными словами. Вскоре она впала в забытьё, лишь бредила какой-то «бобиной» и звала своего Колю, а под утро скончалась.

Через день тетю Веру похоронили – на тихом поселковом кладбище, рядом с дядей Колей, под соснами.

Всем на похоронах распорядилась Клавуся, гордая своей ролью наследницы и душеприказчицы. Алиса поразила огромному количеству соседей и бывших сослуживцев, пришедших проводить тетку в последний путь.

На следующий утро Алиса уехала на такси в областной

центр, а затем улетела в Москву.

Содержимое шкатулки она взяла с собой, справедливо рассудив, что оно принадлежит ей по праву. Жаль только, обратно на квартиру этот килограмм золота не обменяешь...

В самолете Алиса вспоминала рассказ тети Веры о последних днях своей матери и понимала, что вместо ответов о судьбе ее родителей возникли новые вопросы, не менее жгучие.

Чем занимался на своей новой работе ее отец?

Как он погиб?

Что он сделал такого, что бандиты перевели стрелки на его семью?

Почему в конечном итоге душегубы оставили ее в покое? А может, и не оставили – ведь непонятно, кто был тот «оперативник», что разговаривал с матерью в больнице? Может, тетка Вера, когда увезла Алису в Бараблино, действительно ее спасла?

Алиса понимала: она должна ответить на эти вопросы. Должна – чтобы понять, кем был на самом деле ее отец: невинной жертвой, пешкой в чьей-то игре? Или, наоборот, расчетливой сволочью, погубившей ради корысти или страстей свою жену и дочь?

Таинственные события, происшедшие, казалось, в совсем другой жизни – много лет назад, – теперь взывали к девушке: пойми! Разберись, узнай, выясни!

...И в столицу Алиса прилетела с твердой решимостью:

все расследовать, что явилось первым камнем, вызвавшим трагическую лавину. Ту лавину, что похоронила счастливую и спокойную жизнь ее семьи.

Часть вторая Три товарища

Одиннадцатью годами ранее

1994-й год, октябрь

Валя Поленова

– Наши услуги обойдутся вам в семь процентов от суммы. Меньше никак. – Валя отчаянно блефовала. Она склонилась над чайной чашкой. Сделала осторожный глоток. Иско-са взглянула на оппонентку – как та отреагирует? Возмутит-ся? Расстроится? Пригрозит, что отправится к шефу и нажа-луется на самоуправство сотрудницы?

На самом деле семь процентов за обналичку было фор-менным грабежом. Такую комиссию, конечно, иногда брали – но только за явно «бандитские» контракты. За какую-ни-будь «продажу гражданином П., находящимся в здравом уме и трезвой памяти, принадлежащей ему фирмы» – причем несчастного П. приводили на сделку всего в синяках, а то и в наручниках.

Тут же ситуация иная. Обналичивать деньги по вполне лег-альному контракту к ним на фирму явилась девушка. Чи-стенская. Приличная. И явно очень неопытная – потому что изо всех сил строила из себя «матерую». Размахивала по-

золоченной, явно взятой напрокат, «Монтеграппой». Сыпала, в основном не к месту, терминами: «кэш», «проводка», «авизка». Совала Вале под нос ноготки с безупречным и, похоже, впервые в жизни сделанным маникюром... Тут бы и слепой догадался: в бизнесе создание совсем недавно, мохнатых лап, равно как и могучих спин, в своем окружении не имеет. И контракт, потребовавший обналички, у нее чуть ли не первый по счету... В общем, святая невинность, девственница. А шеф по поводу начинающих бизнесменов велит незатейливо:

– Обувать – и точка. Без лишних церемониев.

Но Валя ничего с собой поделывать не могла. Новичков, тем более честных, она жалела. И не раз пробовала с начальником спорить. Соловьем разливалась, что в цивилизованном бизнесе клиента дурить невыгодно. Раз обманешь – в нашу фирму больше не обратится, да и перед коллегами контору ославит...

Но ее красноречие, увы, пропадало втуне: босс Вале популярно объяснял, что, во-первых, до цивилизованного бизнеса нашей стране пока как до неба, а во-вторых, у фирм, занятых обналичкой, специфика такая: «по-быстрому дурить лохов и скидывать концы в воду».

– Какая, Валюха, к черту, деловая репутация? – грохотал босс. – Если мы каждый месяц старое юрлицо бросаем, а новое регистрируем? И офисы раз в квартал меняем... А стабильная клиентура нам как раз и не нужна – постоянный

клиент тебя, скорее всего, браткам сдаст. Или в налоговую настукачит.

Грустно признавать, только шеф, увы, прав. Шакалий у них бизнес. Непорядочный. Хотя...

– Согласись, Валька: кого попало я не дурю, – говорит, когда в хорошем настроении, босс. – И деньги особо не ворую, и процент за обналичку беру божеский, минимальную прибыль хапаю и не рыпаюсь. Ну а лохов, кто не въезжает, начистить – милое дело, согласись!

Валя с начальством соглашалась, а про себя думала: «Как же быть тем, кто *чистить* не умеет и не любит? Мне, например?» И сама себе отвечала: «Как-как... В библиотеку идти работать. Или в школу – училкой. Чтобы совсем уж с голоду подохнуть».

Вон она даже при своей должности – ведущий менеджер и боссова правая рука – и при солидном образовании («Плешка» с красным дипломом) – и то за джинсами ходит на рынок, а когда в «Стокманн» на Арбате однажды заглянула, ее от цен чуть инфаркт не хватил... И «Айриш хаус», удивительный, совсем по-западному скроенный бар с настоящим «Гиннесом», тоже позволить себе не может – не выкладывать же недельный заработок за пару кружек пива вкупе с немудреной закуской?.. И в любимый супермаркет, где папайя и нежные элитные тортики, получается заглянуть от силы пару раз в месяц – в остальное время в обычных магазинах отоваривается... А еще ведь машину содержать при-

ходится, сигареты нормальные покупать, стричься, краситься – да даже к зубному ходить, и то теперь платно стало. В общем, страшно подумать, как бы она жила, если б где-нибудь на госпредприятии служила. Поэтому приходится «издержки профессии» терпеть. Старательно обучаться искусству «обувания лохов». И кропотливо, капля за каплей, выдавливает из себя милосердие с жалостью...

Хорошо бы, конечно, другую работу найти, лучше всего в инофирме, но только от «Протона» – а именно под таким гордым названием существовала сейчас их фирма по обналчке – ей, увы, никуда не деться. Так карта легла, что иного выбора, кроме службы под началом громогласного Григория Олеговича, у Вали не имелось. И когда редкие подруги щебетали о резюме, агентствах по элитному трудоустройству и отрадных перспективах в западных компаниях, она только вздыхала. Ей пути туда, увы, закрыты. По крайней мере, в данный момент. До тех пор, пока шефу не надоест грозить: «Ты у меня, Валька, под колпаком. Только посмей рыпнуться – растопчу!»

Вот и приходится уже третий год кряду, аж с четвертого курса, заниматься ненавистной обналчкой и терпеливо сносить выходки дурнохарактерного Григория Олеговича. И убеждать молодых-глупых (в общем, таких же, как она!) бизнесменш в том, что семь процентов комиссии – это «стандартное по Москве вознаграждение».

А девочка-коммерсантка – вот дерево! – с ней даже не

спорит. По физии видно, что в диком расстройстве, – однако нет бы поторговаться, только покорно кивает: «Ну что ж, пусть будет семь, раз положено...»

«Недолго тебе бизнесменшей быть, – не без злорадства думает Валя – и в этот момент чувствует себя вовсе не на свои юные годы, а усталой и старой. – Сожрут, как ягненка, в три секунды...»

Впрочем, какие, как говорит тот же шеф, из девок ком-мерсантши?

– В жены годитесь, в секретарши. Ну и, – сочувственный взгляд на подчиненную, – в менеджеры, как ты. А бизнес бабам строго противопоказан.

Ей же, Вале, даже женой, наверно, не стать. И уж тем более не сделаться любимой секретаршей – коим нынче полагается иметь ноги от ушей, глаза-озера и бюст размером от третьего.

А у Вали с внешностью, прямо скажем, средненько. Даже не просто «средненько» – уродка она, и все тут. Или, как доброжелатели говорят, «красива, но специфичную красотой». Если кому-то, конечно, нравится крохотный росточек, минимальные сиськи и мелкие черты лица. Как Петька, друг детства, шутит: «Ты, Валька, мечта пенсионера! Старички, они маленьких, худеньких, как бы подросточков, любят!»

Хоть и обидно слышать, но Петька правду говорит – такие, как она, одним извращенцам и нравятся. А нормальные, не педофилы, мужики разве оценят – рост в метр пятьдесят

семь? Фигурку – как у оловянного пупсика, без единой выпуклости? Ну а лицо (нос острый, губы тонкие, единственная «толстая» деталь – стекла у очков, потому что зрение минус пять) вообще ниже всякой критики. И пусть еще один друг детства, Степка, хоть обкричится, что она «девочка-дюймовочка, лютик-семицветик», Валя свою внешность все равно лютой ненавистью ненавидит. И когда удастся сбежать от Григория Олеговича с его «протонами» и найти нормальную работу, – сразу начнет деньги копить. Не на пластику, конечно, но на операцию, чтобы от очков избавиться – Валя читала, что сейчас по новой методике глаза безо всяких разрезов-наркозов, просто лазером можно вылечить... И в хороший спортклуб пойдет – она о таких в светской хронике по телику смотрела. Диво дивное, чудо чудное – целые комнаты мудреных тренажеров, да с дисплеями, под потолком кондиционеры, а при каждом посетителе – личный внимательный тренер. В таких условиях «лепить фигуру» – одно удовольствие, не то что в «качалке», куда она вместе с Петькой и Степаном ходит. А тут хоть все трое и стараются, – парни штанги тягают, а Валя – двухкилограммовые гантельки, – но толку пока чуть. Ни мужики Рэмбами не стали, ни у нее даже толики милого мужскому глазу мясца неросло...

Одна радость – тренировки проходят в хорошей компании. И оптимист Степан подругу заверяет:

– Все, Валька, у нас впереди. И мы с Петюней качками станем, и ты – Шэрон Стоун, и разбогатеет все трое, и мир

посмотрим, аж до самих Мальдивов доедем...

– Насчет Мальдивов не знаю, а уж до Колымы с Сахалином – наверняка, – тут же подливает дегтя пессимист Петр.

А Валя поглядывает то на одного, то на другого и благодарно думает: «Классно все-таки, что у меня такие друзья!»

Дружить с мальчишками она начала с самого детского сада – а что еще оставалось, когда тебя чуть не с пеленок именуют не «ангелочком», но – «маленьким чертиком»? Где «войнушка» – там всегда и Валя, где опасная экспедиция по чердакам-подвалам – тоже, и даже абсолютно мужской спорт футбол без нее не обходился. Зато подаренные куклы без употребления пылились на дальних полках шкафа.

И с годами интерес к типично мужским занятиям только креп – в лебеда-то прекрасного, как обманывали сказки, превратиться ей все равно не удалось... Так что мальчишки фанатеют от карате – и Валя тоже шьет себе кимоно и упрашивает тренера взять ее в секцию. Парни дружно двигают в подростковую автошколу, на водителей «зилков» учиться, – и она с ними... Не на шутку обеспокоенная мама даже водила ее кровь сдавать – нет ли в организме излишка мужского гормона тестостерона?

Но анализы оказались в норме, поэтому пришлось мамочке просто смириться, списать Валины пристрастия на особенности характера – и на неудачную внешность. И терпеливо ждать, пока дочка наконец *влюбится* в кого-нибудь из подросших участников детских игр.

Любовь, разумеется, нагрянула – как и положено по всем канонам, в старших классах школы. Вроде обычный день тогда был, и времяпрепровождение типовое – Валя вместе с закадычными друзьями Петром и Степаном готовилась к городской контрольной по геометрии. Степка сердито, то и дело кусая кончик линейки, рисовал пресловутые равнобедренные треугольники, а Петя, развлекаясь, вписывал в них карикатуры на Горбачева, Ельцина, Лигачева и прочие страшные рожи... и до какого-то момента Вале было просто хорошо с ними обоими – такими разными и уже такими родными. А потом вдруг она случайно, когда тот не ожидал, взглянула на Степку. И неожиданно рассмотрела – будто впервые его увидела. Ведь он не просто «свой парень», балагур, насмешник и частенько нахал. У него, оказывается, изумительные глаза – в бахrome длинных, будто у девчонки, ресниц. Густые и диковатые, как у древнего человека, брови. А рот с забавно изогнутой, будто прихотливое коромыслице, верхней губой. Руки – с сильными и одновременно тонкими благородными пальцами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.